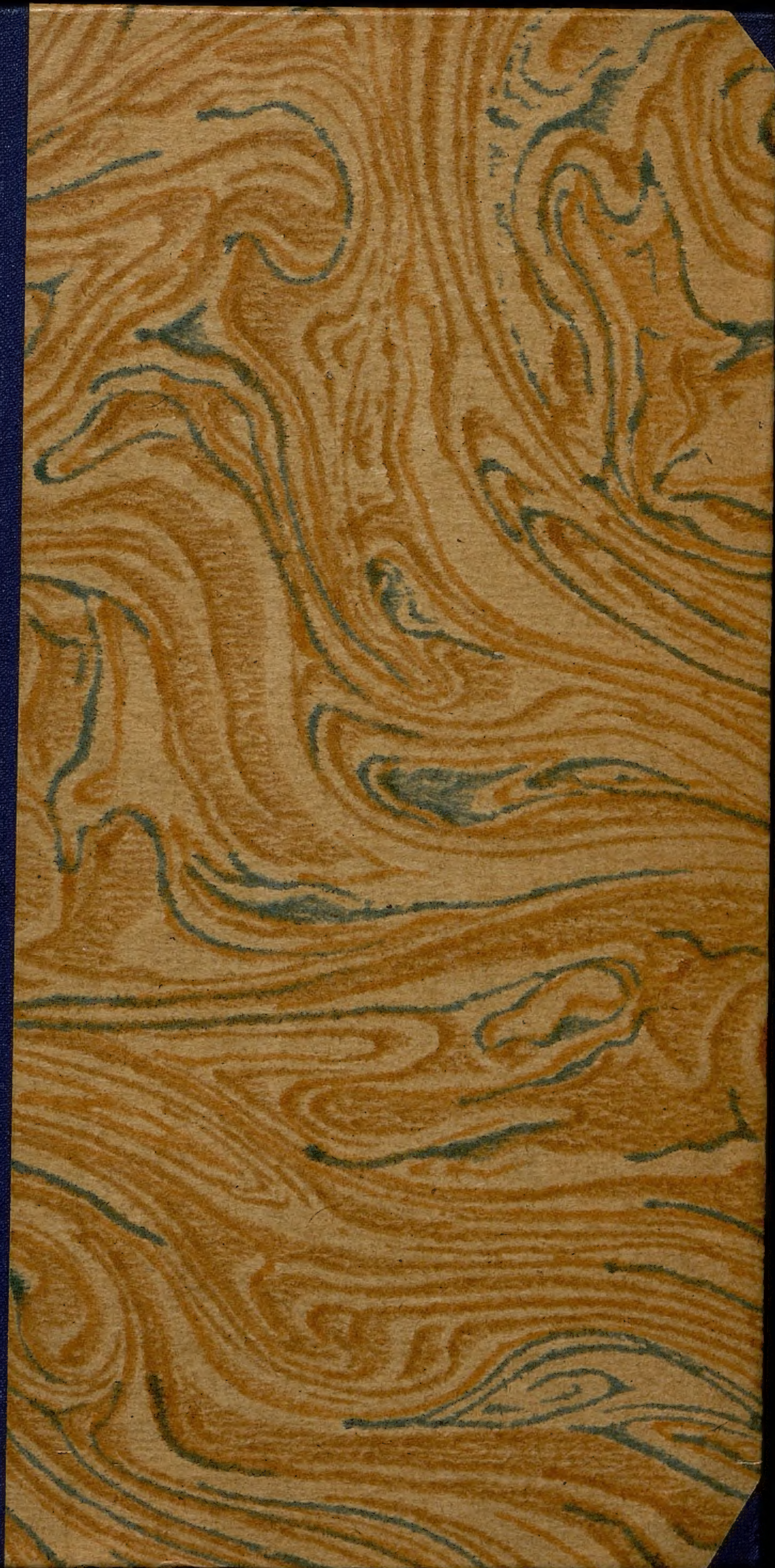
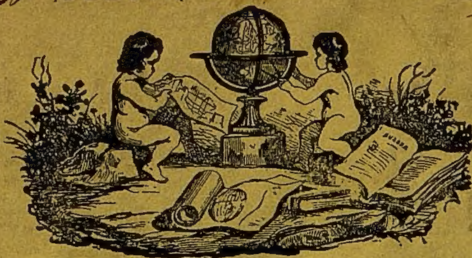

КАЗАНСКАЯ ИСТОРІЯ

Николая Баженова.

КАЗАНЬ.

Печатано въ типографіи университета.

1847.

КАЗАНСКАЯ ИСТОРІЯ

сочиненіе

Николая Баженова.

КАЗАНЬ.

1847.

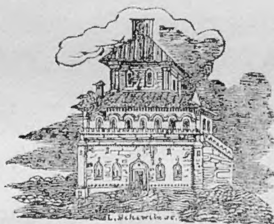
Цѣна 5 руб. сереб.

КАЗАНСКАЯ ИСТОРІЯ

Николая Баженова.

ЧАСТЬ I.

КАЗАНСКОЕ ЦАРСТВО.

КАЗАНЬ.

Печатано въ типографіи университета.

1847.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 28 Апрѣля 1846 года.

Ценсоръ А. Очкинъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Казань, сначала мѣстечко, потомъ столица царства, а послѣ одинъ изъ знатнѣйшихъ городовъ нашего Отечества — обращаетъ на себя вниманіе нетолько Русскихъ, но и самыхъ иностранцевъ. Казанская сторона, гдѣ образовались и изчезли два самостоятельныхъ царства, столько любопытна, что должна имѣть свою собственную исторію. Конечно, за недостаткомъ фактовъ нельзя достигнуть желаемой цѣли вполнѣ; но что дѣлать — должно ограничиться чѣмъ возможно.

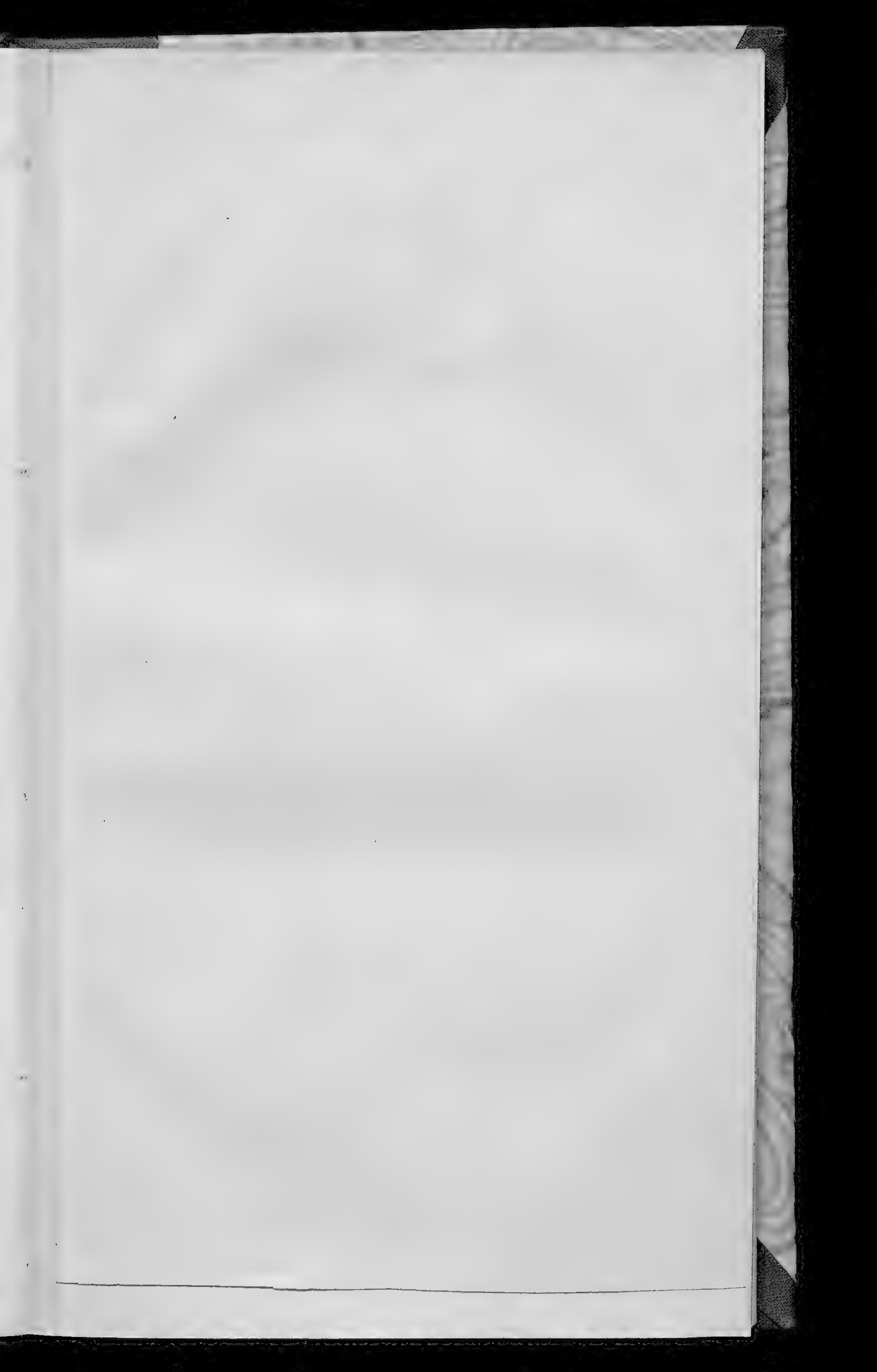
Источники, изъ которыхъ я пользовался свѣденіями — были: для первой части, кромѣ, нѣкоторыхъ сочиненій, татарскихъ рукописей и изустныхъ преданій, — держался исторіи Государства Россійскаго, сохраняя историческую сущность и хронологическій порядокъ, предоставивъ себѣ только мысль и слово. Для источниковъ второй части, служили нѣкоторые факты, которыми руковод-

ствовался Рыбушкинъ к. т. сборникъ древностей Любарскаго, соборный синодикъ, архивъ адмиралтейской конторы, указъ Θеодора Іоанновича объ уничтоженіи татарскихъ мечетей и изгнаніи Татаръ; но нѣкоторые я пріобрѣлъ вновь и имянно: лѣтописи Семіозерной, Раифской, Мироносицкой пустыней и Цивильскаго монастыря; отчетъ Казанскаго университета изд. 1844 года, описаніе Зилантова монастыря и Казанскаго Памятника — Архимадритомъ Гавріиломъ, изд. въ 1840 году, а кромѣ того, неоставлялъ безъ вниманія и народныхъ преданій. Во 2-й части я, сколько можно, держался хронологическаго порядка, но старался избѣгать раздробленія предметовъ, непрерывая ихъ продолженія; но жаль, что пожары многаго лишили исторію. Часть 3-я взята изъ отчета полиціи, доставленныхъ изъ разныхъ мѣстъ, отъ разныхъ лицъ, свѣденій и собственныхъ наблюденій какъ въ Казани такъ и внѣ ея.

Н. Баженовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВОЙ ЧАСТИ КАЗАНСКОЙ ИСТОРІИ:

Часть Болгарскихъ развалинъ.

ЧАСТЬ I.

ОТЪ ПЕРЕСЕЛЕНІЯ БОЛГАРЪ ДО ПОКОРЕНІЯ КАЗАНСКАГО ЦАРСТВА.

—

I.

Финскія племена. Болгары и основаніе города Болгаръ. Законы. Религія. Промышленность. Торговля. Миролюбивыя и враждебныя отношенія къ Россіи.

—

Незадолго до Р. Х. лѣсистыя пустыни, орошаемыя, волжскими и камскими водами, гдѣ кочевали финскія племена—были новою сценою явленія единоплеменнаго Туркамъ народа, пере-

двинувшагося съ горъ Рифейскихъ. Этотъ народъ наименовался Волгарами (*) по Волгѣ, принявшей такое названіе по отличительному свойству обитавшихъ на водахъ ея финскихъ племенъ. Финны славились чародѣйствомъ, а потому и названіе Волга произошло отъ Volho или Volhu, колдунъ или колдунья на языкѣ финско-эстонскомъ.

Обитавшія въ этихъ суровыхъ, лѣсистыхъ пустыняхъ, финскія племена—были пастухи и звѣроловы. Тучныя поля питали многочисленныя стада ихъ, а мѣткія стрѣлы, настигавшія рѣзвый бѣгъ звѣря—были единственнымъ ихъ занятіемъ. Поселившіеся между ими Болгары опередили этихъ первоначальныхъ обитателей гражданственностію. Тогда какъ Хвалисскіе Болгары основали Болгарское государство подъ южнымъ небомъ—на водахъ дунайскихъ,—волгскіе и камскіе, соединившись съ славянскими пле-

(*) Павелъ діаконъ, писавшій въ 1487 году называлъ Болгаръ Волгарами. Впрочемъ часто встрѣчаются измѣненія литеръ, которыя затмѣваютъ словопроизводство.

менами, образовали на сѣверѣ отъ нихъ царство другое — съ тѣмъ же именемъ. Часть волгско-камскихъ Болгаръ назывались Казанцами или Казанскими Болгарами, еще до основанія Болгарскаго Царства (*). Названіе это присвоивалось Болгарамъ, обитавшимъ по рѣкѣ Казанкѣ. Такое древнее наименованіе Болгаръ Казанцами, отвергаетъ ни съ чѣмъ не сообразное мнѣніе, будто бы Казанское Царство приняло названіе свое по городу Казани, наименованной такъ отъ мѣстоположенія, похожаго на котловину, потому что городъ окруженъ горами и возвышеніями. Конечно Казань происходитъ отъ турецкаго слова قازان *котелъ*, но всего ближе, что рѣка названа Казанкою отъ многихъ ея омутовъ и котловинъ, а по имени Казанки назвались такъ городъ и потомъ царство. Притомъ же Старая Казань *Иски Казань* была вовсе не на нынѣшнемъ мѣстѣ; но что самая Казанка названа отъ котла, неча-

---

(*) Въ русскихъ лѣтописяхъ сказано о Болгарахъ еще за 80 лѣтъ до пришествія Монголовъ такъ: *случися Андреєви идти изъ Ростова на Болгары, иже нарычутся Казанцы.*

янно утопленнаго въ ней слугою одного изъ хановъ — мнѣніе это совершенно баснословное.

Болгары вели кочевую жизнь и управлялись ханами, но имена ихъ гласны только сначала 17 столѣтія. Извѣстныя имена хановъ: Туфи-ханъ, а потомъ сынъ его Айдаръ-Ханъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что послѣ Айдара былъ Мухаметъ Алимъ-ханъ, по другимъ, будто Айдару наслѣдовалъ сынъ его Сеидъ-ханъ, а потомъ сынъ Сеида,-Иръ-ханъ. Но много еще недостаетъ до Ира, послѣдняго хана, при которомъ вошли въ въ Болгарію Монголы. Исторія ихъ весьма не вѣрна, и всѣ свѣденія о ханахъ составляютъ одинъ только историческій призракъ, основанный на неясныхъ преданіяхъ и сбивчивыхъ запискахъ татарскихъ историковъ, во многихъ случяехъ противорѣчущихъ другъ другу и себѣ самимъ. Да и тотъ ли долженъ быть порядокъ одного за другимъ, когда между ними нѣтъ Эмиръ-Альмуса или Джафара, сына его Ахмеда и дѣтей Ахмеда,-Талеба и Мумена, а наконецъ недостаетъ Халифа изъ рода Аббаса, Назиръ-Ли-

динъ-Аллага и проч. Имена нѣкоторыхъ встрѣчаются на выбитыхъ монетахъ, а нѣкоторыхъ въ связи съ происшествіями. Притомъ, начиная съ Туфи-хана, умершаго въ 630 году, до Игламъ-хана, при которомъ, въ 1236 г. вошли въ Болгарію Монголы—миновало 6 вѣковъ, а по тому для такого времени недостаточно этихъ правителей.

Нѣтъ тоже вѣрныхъ свѣденій—съ которыхъ поръ Болгары усвоили себѣ гражданскую организацію? Законы Болгаріи были такъ жестоки, что грозили смертною казнію за каждое почти преступленіе. Убійцу запирали въ сундукъ, гдѣ онъ задыхался привѣшенный къ дереву; грабителей, воровъ, прелюбодѣевъ, привязанныхъ за руки и за ноги къ четыремъ столбамъ, разсѣкали вдоль, а измѣна, преступленіе противъ вѣры и проч. подвергали преступниковъ самымъ ужаснымъ мукамъ и смерти. Однимъ словомъ, за каждое преступленіе висѣла надъ головою сѣкира. Правленіе въ Болгаріи было деспотическое и полагаютъ—тамъ существовала удѣльная система. Болгарія была языческою стороною, но въ

началѣ 10 вѣка проникнуло туда Христіанство. Впрочемъ этотъ свѣтъ вѣры слабый, тихо мерцавшій въ мракѣ язычества — изчезнулъ въ новомъ туманѣ, навѣянномъ изланизмомъ. Мухамеданство распространилось въ Болгаріи по слѣдамъ Христіанскаго ученія, но болѣе развилось тамъ отъ тѣсныхъ торговыхъ сношеній съ мухамеданскими народами, притомъ нѣкоторыми и единоплеменными Болгарамъ. Горсть Славянъ нетолько немогла поддержать Христіанской Религіи, но наконецъ не осталось ея и призрака. Соединившіеся съ Болгарами Славяне приняли религію, нравы и языкъ этого господствующаго племени, изъ котораго были ихъ цари, высшіе сановники и военноначальники, принявшіе мухамеданскую вѣру.

Изъ свидѣтельства Инъ-Фаблана видно, что въ это время царствовалъ Альмасъ или Альмусъ, который сдѣлавшись мусульманиномъ, принялъ титулъ Эмира (повелителя) Болгаріи. Другіе свидѣтельствуютъ, что мухамеданство принято Болгарами при Айдаръ-ханѣ — слѣдовательно между 630-680 годами.

Впослѣдствіи, Христіанство въ Болгаріи подверглось гоненію. Тамъ, въ 1230 году, былъ мучимъ и обезглавленъ боргарскій урожденецъ Авраамій, пострадавшій за исповѣданіе Христіанской вѣры, которою просвѣщенъ былъ въ чужихъ краяхъ, потому что въ его отечествѣ тогда уже давно изладились и слѣды ея бытія. (*) Тамъ же, засвободные толки о вѣрѣ, замученъ Ѳеодоръ, Іерусалимскій урожденецъ.

Когда основанъ столичный городъ, котораго остатки нынѣ извѣстны подъ названіемъ Болгарскихъ Развалинъ — это облечено безъисторическою мглою древности, но г. Болгары узнали Русскіе непрежде 10 вѣка. Развалины многолюдной своего времени столицы находятся въ Спаскомъ Уѣздѣ, въ 140 верстахъ отъ Казани — на югозападъ. Онѣ въ 10 верстахъ отъ Волги, по свидѣтельству Таварина Удъ-Деваира, уклонившейся отъ прежняго своего русла.

(*) Нетлѣнныя мощи Св. Авраамія почиваютъ во Владимірѣ, въ Успѣнскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Они привезены были русскими купцами, свидѣтелями смерти мученика.

Итакъ гдѣ была роскошная, кипучая жизнію столица, — нынѣ остались однѣ развалины — надгробные камни изчезнувшихъ царства и народа; а на мѣстѣ величественной Волги, тамъ зыблется между кустами Черное Озеро. Долго издали, изъ за синѣющагося лѣса, видна была, недавно рухнувшая, высокая башня. Она казалась путеводительнымъ призракомъ къ развалившимся стѣнамъ, въ которыхъ время сохранило остовы зданій, груды камней подъ тонкимъ слоемъ земли, поросшей крапивою и бурьяномъ и надгробные памятники съ изрѣченіями изъ алькорана. Развалины окружены землянымъ валомъ и рвомъ, опредѣляющими овальное пространство бывшаго города, на 7 верстахъ въ длину и на 4 въ ширину. Вотъ что осталось отъ многолюдной, цвѣтущей и шумной столицы, съ царствовавшими тамъ восточными роскошью, нѣгою и наслажденіями! Грустно смотрѣть на слѣды истребленія, на развалины высокихъ зданій, дворцовъ, мечетей, минаретовъ. Среди развалинъ возвышается древняя Николаевская церковь, замѣтно передѣланная изъ мечети, и утверждаютъ

что окружающія ее развалины были зданіями, нѣкогда существовавшаго, греческаго Никольскаго монастыря. Промчатся вѣка—неостанется и этихъ слабыхъ призраковъ нѣкогда многолюдныхъ Болгаръ, называвшихся тоже городомъ Великимъ. Въ Болгарахъ считалось 10,000 постоянныхъ жителей, кромѣ гостей и проживавшихъ времянно, а притомъ они окружены были многолюднѣйшими слободами, въ которыхъ считалось до ста тысячь ж. Столичный городъ былъ центромъ торговли Болгарскаго царства, и служилъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, отправляемыхъ на востокъ и обратно.

Болгары имѣли тѣсныя торговыя сношенія съ Славянами, Арабами и Константинополемъ. Предметами торговли были: мѣха, шерсть, пухъ, отрываемые около Болгаръ мамонтовые зубы, орѣхи и изобильно добываемый медъ; сабельные клинки и юфть (*) составляли главныя отрасли

(*) Которою сначала платили подать, по въ 10 вѣкѣ уже чеканили монету съ арабскими надписями.

промышленности. Все это было предметами выгодной торговли на востокѣ, откуда привозили парчи, дорогія ткани, драгоцѣнные камни и проч. Кромѣ того Болгары имѣли выгоду и отъ сношенія съ сибирскими народами.

Въ царствованіе Мумена сына Ахмедова, Владиміръ, жалая завоевать сѣверную Болгарію, вооружилъ новогородскія дружины. Онѣ предводительствуемыя Добрынею, отправились туда на судахъ и Волга принесла въ Болгарію сильную рать. Когда Русскіе побѣдили и заключили миръ, тогда враждовавшіе народы поклялись до тѣхъ поръ быть дружными, *до колѣ камень неста-нетъ плавать, а хмѣль тонуть;* но впослѣдствіи, къ Владиміру было посольство съ предложеніемъ — принять мухамеданскую вѣру.

1006 Болгары отправили пословъ къ Владиміру, чтобы открыть торговыя сношенія во всѣхъ городахъ по Волгѣ и Окѣ. Это нетолько было Великимъ Княземъ принято, но онъ всѣми мѣрами поощрялъ торговлю, а новогородскіе выход-

цы заводили въ Болгаріи свои колоніи. Казалось и самыми взаимными выгодами торговли упрочился безконечный миръ, скрѣпленный клятвами. Сосѣдство и Волга открыли между Болгарами и Русскими обширную торговлю по всѣмъ отраслямъ, и городъ Болгары былъ коммерческимъ средоточіемъ и русскихъ и азіатскихъ купцовъ.
1088 Но можно ли было ручаться за потомство чрезъ столѣтіе? Въ царствованіе Нидиръ-Лидинъ-Аллага, Болгары съ оружіемъ въ рукахъ вторглись въ россійскіе предѣлы. Разграбивъ проходимыя ими мѣста, они добрались до Мурома, которымъ и завладѣли, но ненадолго, потому что ихъ выгнали и преслѣдовали до границъ, съ большимъ для нихъ урономъ.

Послѣ этого, до 1166 года, небыло войны; но Болгары, избалованные опытомъ дѣдовъ, вторглись въ Россію, а кромѣ того и нерѣдко тревожили муромскіе предѣлы. Безпокойные Болгары надоѣли Русскимъ и зрѣло мщеніе. Андрей Георгіевичь Боголюбскій, съ Муромскимъ Княземъ Юріемъ Александровичемъ, выступили противъ Болгаръ, разбили ихъ, вогнали въ го-

родъ, разгромили Болгарію и завладѣли славнымъ городомъ Бряхимовымъ при Камѣ. Тогда
1088 Андрей даровалъ Болгаріи миръ какъ побѣдитель. Великій Князь Андрей, избалованный побѣдами, снова изыскиваетъ какія-то причины для нападенія на Болгарію, но эти придирки маскировали надежды — побѣдить болѣе слабѣйшую землю. Притомъ же Россія и Болгарія были разсадниками взаимной ненависти, свойственной иноплеменнымъ разновѣрцамъ, связаннымъ между собою только выгодами союза. Рязанцы и Муромцы, предводительствуемые сыномъ Великаго Князя — Мстиславомъ, по глубокимъ снѣгамъ пробрались въ нѣдра Болгаріи. Крутящіяся вьюги и жестокіе морозы не держали Русскихъ — они отогрѣвались пожарами болгарскихъ селъ. Главный воевода Борисъ Жадиславичь, овладѣвъ шестью болгарскими городами и однимъ городкомъ, истребилъ большую часть ихъ жителей и плѣнилъ женъ и дѣтей ихъ. Однако образумившіеся отъ внезапнаго нападенія Болгары, въ количествѣ 6000 человѣкъ, преслѣдовали Русскихъ и перешли свою границу. Тогда они ед-

ва ненастигли Мстислава, въ 20 верстахъ отъ устья Оки, но кончилось тѣмъ, что Болгаръ прогнали обратно.

1183 Болгары и въ свою очередь, вторглись въ Россію и заняли потомъ муромскія и рязанскія земли, но Великій Князь Всеволодъ Георгіевичь, съ прочими князьями и Половцами, прогнавши ихъ, перенесъ театръ войны въ Болгарію. Русскіе осадили г. Болгары, но князь Изаславъ Глѣбовичь, соревнуя славѣ, нехотѣлъ ждать слѣдующей за нимъ рати, бросился съ своею дружиною въ укрѣпленіе, пробился въ ворота, но былъ опасно раненъ стрѣлою—и это охладило пылъ среженія. Послѣ 10 дневныхъ состязаній, война кончилась миромъ. Между прочимъ Бѣлозерцы разбили соединенныхъ гражданъ трехъ болгарскихъ городовъ, и недопустили ихъ сжечь
1186 русскія суда. Въ 1186 году, возобновился походъ въ Болгарію. Русскіе одержали перевѣсъ въ сраженіи, шли къ столичному городу; но встрѣтивъ сильное войско, преслѣдуемые имъ, возвратились съ добычею и плѣнными.

1218 Болгары, завидуя побѣдамъ надъ ними Русскихъ, рѣшились сами пробивать дорогу къ славѣ. Они осадили Устюгъ; но чтобы овладѣть имъ, старались оставить за собою берега Унжи.
1219 Однако не только неисполнилось ихъ желаніе; но гонимые подоспѣвшею ратью, увидѣли Русскихъ въ своихъ предѣлахъ. Братъ великаго князя Святославъ и сыновья муромскихъ князей, предводительствуя сильною ратью принеслись Волгою къ болгарскимъ берегамъ. Городъ Ошель былъ укрѣпленъ двумя рядами дубоваго тына и между ними высился земляной валъ. Первою мѣтою для нападеній былъ этотъ городъ. Его зажгли, подъ защитою копейщиковъ и стрѣлковъ, съ двухъ сторонъ и буря, раздувавшая пламя, мгновенно разнесла огонь по всему городу—Ошель запылалъ! Но жители? Они должны были или гибнуть въ пламени, или отъ стрѣлъ и копій—средины небыло. Спаслись не многіе, а смерть или плѣнъ были общею участью. Ростовцы и Устюжане, въ свою очередь, разорили нѣсколько селеній по берегамъ Волги и Камы; но наконецъ всѣ сошлись и вмѣстѣ от-

плыли въ отечество. Зимою отправили Болгары посольство къ Великому Князю, котораго едва могли только обезоружить дарами.

Въ 1236 году, былъ заключенъ тѣсный союзъ между Георгіемъ и Болгарами, утвержденный клятвами съ размѣною плѣнныхъ. Съ обоихъ сторонъ аманаты были предложены залогами мира, но напрасно. И безъ того уже наставалъ миръ, потому что недалеко были общіе примирители, наложившіе потомъ сурдину на тѣ струны, которыя издавали звуки о самобытности царства. Еще въ 1229 году промчался по
1232 Болгаріи слухъ о Монголахъ, но чрезъ три года они уже занимали окрестности Волги.

II.

Нашествіе Монголовъ. Сверженіе монгольскаго ига. Болгарія покорена Монголами снова съ утратою ея самобытности. Набѣгъ новогородской вольницы и судъ за нее. Завоеваніе Болгаріи Темиръ Булатомъ. Вторженіе въ Россію и отраженіе ихъ. Объ основаніи Казани.

—

Когда Батый отправилъ военноначальниковъ
1236 для покоренія земель, на Болгарію нахлынули полчища Монголовъ, подъ предводительствомъ Суббатая. Въ это время царствовалъ Игламъ ханъ; но опыты сопротивленія грозили гибелью и Болгарія покорена была безпрекословно. Покоренная Болгарія, тайно питаясь надеждою, ждала только благопріятнаго случая—сбросить

съ себя монгольскія оковы, и просила помощи Георгія Всеволодовича; но впрочемъ обстоятельства неожиданно скоро миспѣшествовали ея желанію.

Монголы вступили въ Россію и Болгары, возставъ противъ горсти оставшихся ордынцевъ, почти истребили ихъ и объявили себя независимыми; но это была послѣдняя вспышка жизни умирающаго народа, — прощальный привѣтъ тѣсной, но все еще народной свободѣ! Можно ли было надѣяться, чтобы Монголы простили Болгарамъ, при томъ неимѣвшимъ и силъ къ сопротивленію? Можетъ быть, они надѣялись на Георгія Всеволодовича, но Россіи тогда было не до Болгаріи — она думала о собственной
1237 судьбѣ своей. Возвратился Субутай, но не такое уже было возвращеніе его какъ первое пришествіе. Слѣды озлобленнаго полководца упитались кровью, г. Болгары былъ разоренъ и надъ костями народа носился пепелъ городовъ и селеній. Словомъ — надъ Болгаріею промчался духъ истребленія — и съ тѣхъ поръ она несущество-

вали уже какъ государство; но была монгольскою областью, управляемою намѣстниками, а городъ Болгары, возникшій на развалинахъ своихъ снова, сдѣлался временною резиденціею хановъ Золотой Орды. Съ этихъ поръ изчезаетъ исторія болгарскаго народа, слившагося съ судьбою и именемъ своихъ побѣдителей. Болгарія была уже неприкосновенна для вторженія въ нее сосѣдей—какъ въ область ордынскую, и она переходила отъ одного намѣстника къ другому.
1359 Болгарскій городъ Жуготинъ былъ взятъ новогородскою вольницею, необратившею вниманія на зависимость Болгаріи отъ Монголовъ, но за поступки ея должны были явиться въ Кострому на судъ съ Болгарами: Великій Князь Дмитрій Константиновичь, съ братомъ Андреемъ Нижегородскимъ и Константиномъ Ростовскимъ. Вслѣдствіе этого, князей обязали—отыскать виновныхъ и выдать ихъ. Когда великій ханъ Хо-дырь убитъ былъ Темирхожею, а Темникъ Мамай, раздувшій пламя мятежа и признанный властителемъ, убилъ и его; тогда явился Кальдибекъ, назвавшійся сыномъ Чанибека, но погибъ

въ междоусобіи. Пользуясь смутами ордъ, князья 1361 Буладъ-Темиръ и Телай Бездежскій, тоже объявили себя независимыми ханами. Первый овладѣлъ Болгаріею, а послѣдній мордовскою землею, гдѣ нынѣ Наровчатъ въ Пензинской Губерніи. Тогда орда была театромъ смутъ, отложеній, измѣнъ, междуусобныхъ браней и кипѣли битвы. Болгары и земля мордовская были тоже театромъ войны своихъ владѣтелей. Война была со всѣми ея ожесточеніями, и поля убійствъ устилались тысячами труповъ. Потомъ Булатъ-Темиръ вторгнулся въ нижегородскіе предѣлы, но какъ судьба Россіи зависила отъ Мамая, то сынъ Дмитрія Константиновича Суздальскаго отразилъ уже ихъ военною рукою.

Подъ Бурями войны и при отблескѣ болгарскихъ пожаровъ не въ царствѣ, но уже въ области Болгарской, возникла Казань. Полагаютъ, она основана въ половинѣ 13-го вѣка Батыемъ. Это мнѣніе должно быть вѣрнѣе того, что будто бы Казань основана Саиномъ, разумѣя Сартака сына Батыя и называлась Саиновымъ Юр-

томъ. Очень справедливо отвергается такое мнѣніе тѣмъ, что у Батыя не было сыновей съ именемъ Саина; но саинъ и не имя, а придаточное слово къ ханамъ, опредѣляющее ихъ достоинство. Мнѣнія о построеніи Казани весьма разнообразны. Одни приписываютъ основаніе ея потомку Загатай хана — сыну Чингисову, другіе — Казанъ-Султану, а нѣкоторые Алтунъ-Беку и Алимъ-Беку (*), что не имѣетъ никакого основанія, судя по времени, въ которомъ Алтунъ-Бекъ и Алимъ-Бекъ являются въ связи съ происшествіями. Впрочемъ нѣтъ ничего положительнаго о времени основанія Казани и началѣ Казанскаго Царства, но утверждаютъ на болѣе или менѣе правдоподобныхъ предположеніяхъ. Здѣсь принято мнѣніе, что Казань основана Батыемъ, которому татарскіе историки приписываютъ построеніе многихъ городовъ. Впрочемъ Казань сначала и небыла городомъ, но дѣйствительно юртомъ. Это населенное мѣстечко съ име-

(*) Таково свидѣтельство Баянъ-Дастанъ-Усть-Тариха. Онъ излагаетъ, что дѣти Абд-Уллага пришли на берегъ Казанки и построили старую Казань.

немъ юрта построено на тотъ конецъ, чтобы въ немъ была станція для сборщиковъ податей. Вотъ причина основанія Старой Казани, слѣды которой и теперь еще видны въ Чистопольскомъ уѣздѣ, въ 40 верстахъ отъ Казани нынѣшней.

Болгарія была театромъ ордынскихъ смутъ. Она, съ застоемъ своей гражданственности, страдала только во взаимныхъ враждахъ другаго народа, но долго не тревожила уже ее Россія.
1374-1375 Потомъ повторились набѣги новогородской вольницы, а наконецъ вступило въ нее и русское вой-
1376 ско. Дмитрій Іоанновичь, питая великіе замыслы — свергнуть монгольское иго, уже нестрашился ханскаго гнѣва. Соединенныя силы его дружинъ и Суздальцевъ, нахлынули въ Болгарію и засверкали русскіе мечи. Они пробили путь къ Казани, значительному въ это время городу, заслонявшему уже упадавшіе Болгары. Походъ кончился миромъ, по которому тогдашніе владѣтели Болгаріи: Осанна и Махметъ-Султанъ — заплатили 5000 руб. окупу, и согласились принять московскаго таможенника.

III.

Тохтамышъ покорилъ Болгарію. Ея отложеніе отъ орды при Абд-Уллагѣ. Походъ въ Болгарію. Василія Дмитріевича. Покореніе ея Тимуръ-Ленкомъ и обращеніе въ развалины столичнаго города.

—

Въ годину ордынскихъ смутъ и распрей, въ 1380 году, военноначальникъ Синей Орды
1383 Тохтамышъ овладѣлъ Болгаріею. По его повелѣнію ограблены находившіеся въ Балгарахъ русскіе купцы, а царевичь Беркутъ, отправленный
1391 Тохтамышемъ къ сѣверу, добрался до Волги, основанной новогородскими выходцами, поселившимися среди пустынь, лѣсовъ и болотъ суроваго сѣвера. Двухлѣтняя вольность отдаленныхъ отшельниковъ, была окована цѣпями Тохтамы-

ша; грабежъ, огонь, мечь и цѣпи неволи — обыкновенныя условія варваровъ. Спасшіеся въ дремучихъ лѣсахъ Вятчане, соединились потомъ съ Устюжанами и Волга несла суда мстителей, вознаграждавшихъ потери свои грабежемъ купцовъ и разореніемъ Жуготина, Казани и Болгаръ.

Съ 1391 года, завязалась война Тохмамыша съ Тимуръ-Ленкомъ, пришедшимъ наказать мятежнаго военноначальника, а уже въ 1395, Монголы дышали взаимнымъ истребленіемъ. Тогда лилась кровь между Терекомъ и Курой. Долго монгольскія головы устилали поле битвы съ перемѣнчивымъ счастіемъ, но наконецъ побѣжденный Тохмамышъ бѣжалъ. Тимуръ-Ленкъ, преслѣдовавшій врага, объявивъ властителемъ Золотой Орды, сына Урусова, Колрача-Аглена, возложилъ на него царскій вѣнецъ; но въ ордѣ родились новыя состязанія о престолѣ. Правившій Болгаріею Абд-Уллахъ-ханъ, пользуясь смутными обстоятельствами орды, ея междоусобіями и безславною участью Тохмамыша, объявилъ себя независимымъ властителемъ.

Великій Князь Василій Дмитріевичь, тоже неупустилъ изъ виду ордынскихъ междоусобныхъ смутъ и ослабленія Монголовъ. Между тѣмъ
1396 какъ гонимый Тохтамышъ обратился подъ защиту Витовта,—въ Болгарію вступило русское войско. Великокняжескимъ военноначальникомъ былъ (братъ Великаго Князя) Юрій Дмитріевичь и онъ, пробивъ путь къ Болгарамъ, разгромилъ ихъ, а равно разорилъ Жуготинъ, Казань и Кременчугъ. Три мѣсяца тяготѣлъ надъ Болгаріею мечь Русскихъ. Они, возвратившись потомъ съ трофеями и богатою добычею, прославили Василія Дмитріевича побѣдителемъ Болгаріи.

Еще Болгарія неуспѣла укрѣпиться силами, послѣ громовъ надъ нею Князя Юрія—Волга несла къ ней сильную флотилію Тимуръ-Ленка, а сухимъ путемъ тянулись несмѣтныя его полчища. Абд-Уллагъ-ханъ непрежде узналъ объ этомъ, какъ уже горизонтъ тмился пылью, поднятою приближавшимися Монголами. Ничего неоставалось болѣе, какъ встрѣтить враговъ всеобщимъ возстаніемъ. Съ пришествіемъ Монголовъ

закипѣла битва свирѣпая и кровопролитная. Разбитые Болгары ушли въ городъ, завалили ворота и защищались отчаянно. Монголы не могли взять г. Болгаръ, и 7 лѣтъ длилась война, но наконецъ пробилъ часъ Болгаріи, и осажденные Болгары обратились въ развалины безъ возстанія! Битва была самая отчаянная, однимъ словомъ — народная война за свободу, но Монголы сломили г. Болгары. Тогда Тимуръ-Ленкъ излилъ все мщеніе — и небыло пощады. Развалины столицы обратились въ надгробные камни погибнувшаго народа и вмѣстѣ самаго, убитаго въ сраженіи, Абд-Уллагъ хана. Съ нимъ погибло 124 князя, изъ которыхъ: Икбанъ-Бекъ, Кюль-Али-Бекъ, Хуаши-Бекъ и Меркашъ-Бекъ — были членами царствовавшаго дома. Тѣ изъ нихъ, которые уцѣлѣли отъ битвы — казнены, а жены ихъ были опредѣлены въ рабство. Если же кто изъ гражданъ и остался живымъ, то это спасшіеся бѣгствомъ. Приверженцы Абд-Уллага увели въ лѣса малолѣтнихъ дѣтей его: девятилѣтняго *Алимъ-Бека* и семилѣтняго *Алтунъ-Бека*. Дѣ-

ти царя воспитывались въ дремучихъ лѣсахъ, и глубокая тайна облекала ихъ существованіе.

IV

Начало Казанскаго Царства. Алимъ-Бекъ первый царь и основатель новой Казани Уллу-Махмедъ. Мамотякъ-ханъ. Ибрагимъ-ханъ. Виды Касима. Безпрерывная вражда Казани съ Россіею.

Сторона болгарская, уже безъ Болгаръ—какъ
1402 снова область ордынцевъ, управлялась намѣстниками, но наставало время отложенія. По свидѣтельству Фергенъ-Памега, черезъ нѣсколько лѣтъ, возмужавшіе въ лѣсахъ и неизвѣстности Алимъ-Бекъ и Алтунъ-Бекъ, вызванные отложившимися отъ ханской власти Болгарами, при-
1296 шли въ Старую Казань, утратившую, послѣ разоренія ея Русскими, свое богатство и славу, гдѣ оставались только бѣдныя хижины, а потому

вызваннымъ царевичамъ не понравилось это мѣсто. Алтунъ-Бекъ отправился на берега Тобола, гдѣ основалъ нынѣшній Тобольскъ, а Алимъ-Бекъ былъ основателемъ новой (нынѣшней) Казани. Правдоподобно и свидѣтельство татарской рукописи Таварихъ-Удъ-Даваира, что Алымъ-Бекъ, сначала въ величайшей бѣдности пришелъ въ Старую Казань (Кажань), гдѣ принялъ на себя должность школьнаго учителя, но потомъ былъ основателемъ новой Казани. Такимъ образомъ Алимъ-Бекъ наслѣдовалъ послѣ отца своего Болгарскимъ Царствомъ, принявшимъ имя по построенной Столицѣ—*Казанскаго.*

Уллу Махметъ, ханъ Капчатской Орды, изг-
1437 нанный, братомъ своимъ Кикимомъ, былъ наслѣдникомъ Алимъ-Бека. Ему тоже приписываютъ основаніе новой Казани. Дѣйствительно немудрено, что Алимъ-Бекъ не былъ основателемъ новой Казани, но поселился въ старой, а новую основалъ Уллу-Махметъ. Тоже и о воцареніи въ Казани Махмета—историки весьма разногласны. Нѣкоторые допускаютъ воцареніе его такъ:

ханъ изгнанникъ, съ дружиною 3000 вѣрныхъ ему Монголовъ, искалъ убѣжища въ Россіи, и надѣясь на дружбу Царя Василія, занялъ Бѣлевъ. Махметъ съ изумленіемъ услышалъ, что Василій, многимъ ему обязанный, повелѣлъ оставить русскіе предѣлы. Когда гордый ханъ оказалъ сопротивленіе волѣ княжеской—противъ него выслана была сильная рать, подъ командою князей: Шемякина и Дмитрія Краснаго. Видя неравную силу, Махметъ просилъ о переговорахъ и давалъ сына своего въ аманаты, но отъ него небыли они приняты и приготовились къ бою. Тогда Монголы одними угрозами обратили назадъ сильное ополченіе, ведомое князьями малодушными. Изумленные Монголы преслѣдовали бѣгущихъ и поражали ихъ; но несмотря на удачу, которая была игрою случая— Магметъ, зная неравную силу свою, оставилъ
1400 Россію. Онъ пошелъ въ Болгарію къ старой Казани, но потомъ, избравъ новое мѣсто для основанія столицы, — укрѣпился новыми защитниками, вызванными изъ Золотой Орды, Астрахани, Азова и Тавриды. Такъ прини-

маетъ исторія государства россійскаго — и, основываясь на этомъ, должно полагать что Махметъ воцарился въ Казани какъ побѣдитель, а соображаясь съ обстоятельствами, весьма правдоподобно, что онъ былъ и основателемъ новой Казани. Другіе говорятъ совсѣмъ иначе. По отзывамъ ихъ: Уллу-Махметъ, изгнанный изъ орды Заяицкимъ княземъ Едигеромъ, скитался съ своимъ семействомъ около Россіи и призрѣнъ
1439 былъ Василіемъ Васильевичемъ. Великій Князь позволилъ ему поселиться на мѣстѣ нынѣшней Казани и Уллу-Махметъ, утвердившись на этомъ мѣстѣ, окружилъ себя вызванными изъ разныхъ мѣстъ Монголами; слѣд. все сдѣлалось какъ будто силою волшебства! При этомъ надобно рѣшить вопросы: имѣлъ ли право Василій позволять селиться въ чужомъ царствѣ, ни сколько тогда еще отъ него независившемъ? Развѣ Болгарія была столько послушна волѣ Василія, что будто бы не имѣла — ни собственнаго царя, ни голоса народнаго, ни силы?

Въ 1445 году, Махметъ направился въ Россію,

взялъ Нижній-Новгородъ и пробирался къ Мурому. Обратимъ вниманіе и на это! Если Махметъ, правившій ордою былъ такъ благосклоненъ къ Василію, что, какъ утверждаютъ лѣтописи, не бралъ даже съ него денегъ, то неужели бы онъ сдѣлался дотого неблагодарнымъ къ нему за насажденіе свое царемъ казанскимъ, что рѣшился вторгнуться въ Россію? Былъ ли Махметъ основателемъ Казани?—нерѣшено, но только поступками его подтверждается историческая основательность, что, непринятый подъ кровъ Россіи, Махметъ самъ пробилъ дорогу къ казанскому престолу.

Итакъ разорванная нить повѣствованія о вторженіи въ Россію Махмета, связывается встрѣчею его войскомъ, подъ предводительствомъ удѣльныхъ Князей, и тогда Татары были разбиты; но зима остановила дальнѣйшее преслѣдованіе ихъ. Съ наступленіемъ же весны, Махметъ снова двинулся на Россію, осадилъ Нижній-Новгородъ и послалъ царевичей Мамотяка и Ягуба къ Суздалю. Татары встрѣ-

тили горсть храбрыхъ, въ количествѣ 1500 человѣкъ; Русскіе сдѣлали удачный натискъ на непріятеля, завлекшаго ихъ далѣе, но потомъ, окруженные со всѣхъ сторонъ, были разбиты наголову. Израненный Великій Князь Василій взятъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ к. Михаиломъ Верейскимъ и многими боярами, а снятые съ Великаго Князя золотые кресты, посланы были къ матери и супругѣ его въ Москву, гдѣ воцарился ужасъ, потому что плѣнъ Россійскаго Государя—дѣло небывалое. Впрочемъ, черезъ нѣсколько времени знаменитые плѣнники были освобождены.

Между тѣмъ какъ Махметъ съ дѣтьми былъ въ Россіи, Казанскимъ Царствомъ завладѣлъ Либей князь Болгарскій, но только ненадолго. Магметъ отразилъ внутренняго врага, сначала скрывшагося, но впослѣдствіи лишеннаго жизни Мамотякомъ, обагреннымъ потомъ кровью отца и брата. Недолго просіяла надъ Казанью звѣзда Махмета. Онъ и младшій сынъ его Юсупъ, за любовь его отцемъ, были зарѣзаны, а Мамотякъ вступилъ на престолъ казан-

скій. Чтобы судить о свойствахъ этого государя, довольно его поступковъ. Отношенія Мамотяка къ Россіи не были миролюбивы. Едва только онъ принялъ бразды правленія, какъ 700 человѣкъ Татаръ осадили Устюгъ, взяли съ него окупъ,
1451 но потонули въ р. Ветлугѣ. Послѣ этого, Казанскіе Татары вступили въ муромскія и владимірскія владѣнія, но были отражены сыномъ Великаго Князя, отрокомъ Іоанномъ.

Преемникомъ ненавистнаго Мамотяка былъ
1462 Халифъ-ханъ, но скоро явился новый соискатель казанскаго престола—Ибрагимъ-ханъ, пасынокъ царевича Волжскихъ Улусовъ—Касима, сына Уллу-Махмета. Онъ восшелъ на престолъ казанскій въ 1467 году.

Ибрагимъ не отвѣчалъ духу казанцевъ и вельможи имѣли тайныя сношенія съ Касимомъ, жившимъ въ россійскомъ городѣ на берегу Оки. Онъ данъ былъ ему въ удѣлъ Василіемъ Темнымъ, за вѣрную службу, и извѣстенъ нынѣ подъ именемъ Касимова (Рязанской губерніи).

Касимъ, соревнуя низверженію Ибрагима, обратился къ Іоанну III. Іоаннъ Васильевичь, замышлявшій — успокоить отъ вредныхъ сосѣдей восточныя границы, двинулъ къ Казани войско, подъ начальствомъ князей Патрикеева и Стриги Оболенскаго. Касимъ, путеводительствуя Русскими, думалъ — внѣзапно явиться подъ стѣнами Казани, но уже полчища Ибрагима стояли на берегу Волги и Русскіе обратились назадъ.

Казанцы узнали потомъ, что московская рать опустошаетъ подвластныя ей стороны Черемисовъ, народа обитавшаго въ глуши лѣсовъ на
1468-1469 водахъ Ветлуги, Усты и Камы. Русскіе пробрались туда среди зимы, по глубокимъ снѣгамъ. Тогда въ жилищѣ дикарей, Россіяне, предводительствуемые княземъ Семеномъ Романовичемъ, явили себя людьми самыми жестокосердными. Они опустошали земли огнемъ и мечемъ, скользившимъ по головамъ народа, безъ разбора пола и лѣтъ, кромѣ тѣхъ, которые предназначены были для плѣна, а скотъ, хлѣбъ и все, что только не составляло предметовъ добычи — ис-

треблялось огнемъ. Русскіе, воцарившіе съ пришествіемъ своимъ къ Черемисамъ ужасъ, едва, черезъ ихъ владѣнія, недошли до Казани; но довольные добычами и истребленіемъ, почти безъ сопротивленія имъ — возвратились въ Россію. Партіи же Казанцевъ грабили костромскую и муромскую стороны, но, разбитые Оболенскимъ и Холмскимъ, они бѣжали изъ Россіи, а Нижегородцы отплатили имъ опустошеніемъ на берегахъ Волги. Самъ Іоаннъ велъ на Казань рать, но, по обстоятельствамъ, отложивъ это намѣреніе, онъ тогда же отправилъ отрядъ въ Кичменгу, гдѣ Татары грабили и жгли наши селенія.

Казанская сторона потерпѣла опустошеніе отъ Русскихъ зимою, но, съ открытіемъ весны, снова отправилась къ ней сильная рать, подъ предводительствомъ Руно Московскаго и князя Ивана Звенца Устюжскаго. Русскіе, соединившись подъ Котельничемъ, вступили въ черемисскую землю. Они прошли до Камы, Тамлуги, Татарскаго Перевоза, а оттуда опять обратились къ

Камѣ, гдѣ добычею ихъ были купеческія суда, и потомъ прошли къ Бѣлой Волождѣ. Россіяне слѣды свои ознаменовали новыми истребленіями, убійствомъ и, попути, разбили небольшой татарскій отрядъ, съ чѣмъ и возвратились въ Россію. Кромѣ этого нашествія, нижегородскій воевода Ряполовскій, командуя московскою дружиною, на Волгѣ истребилъ отрядъ царскихъ тѣлохранителей и взялъ въ плѣнъ татарскаго князя Хюземъ-Бердея. Казанцы, въ свою очередь, вошли въ предѣлы Вятки, признавшей надъ собою ихъ владычество. Побѣда эта могла быть легка еще и потому, что Вятка, бывшая въ видѣ республики, покорена московскимъ княземъ силою оружія и не имѣла расположенія къ государямъ, что скоро и обнаружилось.

Умеръ царевичь Касимъ, и жена его, (мать Ибрагима) отправилась въ Казань съ тѣмъ, чтобы склонить сына къ преданности Россіи. Между тѣмъ Іоаннъ, питая замыслы — смирить Казань, не полагался на обѣщаніе матери Ибрагима, но приготовлялъ рать и, въ маѣ, она при-
1469

неслась подъ Казань по Волгѣ. Руно былъ предводителемъ войска. Онъ, отвергнувъ совѣтъ — не подходить къ Казани, явился подъ стѣнами ея. Прежде нежели заголубѣлъ востокъ разсвѣтомъ, рать вышла изъ судовъ; но едва только зарумянѣла заря утра — Русскіе были уже въ казанскихъ предмѣстіяхъ. Они запылали въ разныхъ концахъ, и непріятельскіе мечи застали казанцевъ, объятыхъ еще сномъ. Можно ли было ожидать пощады отъ Русскихъ, такъ долго нещадимыхъ, но озлобленныхъ Татарами, притомъ нехристіанами, оскорблявшими русскую Святыню. Засверкали очи мщенія, ужасъ царствовалъ и кровь лилась! Русскіе легко бы могли ворваться въ городъ, но они, ограничившись истребленіемъ разграбленныхъ предмѣстій, съ богатою добычею отступили къ Коровничьему острогу, гдѣ цѣлую недѣлю бездѣйствовали, почему Руно и подвергнулся подозрѣніямъ, что онъ взялъ окупъ съ царя казанскаго. Тогда были освобождены всѣ русскіе и литовскіе плѣнники.

Въ слѣдствіе этого, Ибрагимъ соединялъ раз-

ноплеменное воинство, зависящихъ отъ него народовъ. Уже на пепелищѣ предмѣстій сошлась огромная рать полковъ: камскихъ, сыплинскихъ, костяцкихъ, бѣловѣжскихъ, вотяцкихъ и башкирскихъ, а кромѣ того, царь отправилъ посольство въ Вятку, склоняя ее на свою сторону. Вѣсть объ этомъ достигла въ Россію съ бѣжавшими плѣнными, и приняты были мѣры для предупрежденія намѣренія Ибрагима. Чтобы удержать натиски непріятеля изъ Казани, русскіе суда отправились Волгою до Ирихова острова, а часть войска заняла берегъ. Казанцы выступили изъ города, выплыли ихъ суда и завязался бой, окончившійся побѣдою Русскихъ надъ Татарами. Прибывшій къ войску, воевода Константинъ Беззубцевъ, отправилъ главную рать къ Нижнему, а въ Вятку отослалъ повелѣніе, чтобы дружины ихъ были готовы итти подъ Казань, куда пошелъ, съ боярскими дѣтьми и Устюжанами, князь Даніилъ Ярославскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сабуровъ отправилъ Вологжанъ рѣкою Вяткою до г. Вятки, а съ ними повелѣніе — приготовить подъ начальство Сабурова дружины, для соединенія подъ Казанью съ

отправленнымъ туда войскомъ, но случилось иначе. Вятчане, желая быть вѣрными слову, данному Ибрагиму — отказались отъ похода съ тѣмъ, что не пойдутъ ни на Казань, ни за Казань. Казанскій посолъ, бывшій тогда въ Вяткѣ, увѣдомилъ объ этомъ Ибрагима, но Беззубцевъ, недождавшись въ назначенномъ мѣстѣ Вятчанъ, отступилъ къ Нижнему. На дорогѣ встрѣтилась съ нимъ мать Ибрагимова, увѣрявшая что война прекратится, потому что Ибрагимъ исполнитъ всѣ желанія Іоанна. Увѣренные ею воеводы были оплошны, а между тѣмъ плыли вооруженныя казанскія суда, и на противоположномъ берегу, въ глазахъ Русскихъ, скакала татарская конница. Татары явились неожиданно и завязался бой. Суда сцѣпились на Волгѣ, а чрезъ нее, съ береговъ ея, летали пули и стрѣлы. Ночь прекратила битву, но утро уже не застало на мѣстѣ ни Татаръ, ни Русскихъ.

Воеводы не ожидали, чтобы Вятчане подорвали ихъ предположенія. Обманутый Беззубцевъ, претерпѣвая въ станѣ недостатки, возвращался къ Нижнему; а воеводы, внадеждѣ предувѣдомить

его — отправились къ Казани одни, но неожиданно встрѣтили Татаръ. Ибрагимъ, предупрежденный о походѣ ихъ къ Казани и объ отступленіи Беззубцева, выслалъ на встрѣчу Русскимъ вооруженныя суда, а берегъ Волги заняла конница — и завязалась битва жестокая, упорная, но неравносильная. Главные воеводы были убиты, ранены и многіе взяты въ плѣнъ. Войско спаслось еще львиною храбростію, подъ командою князя В. Ухтомскаго — и оно, окруженное Татарами, сквозь ихъ ряды, пробило дорогу на свободу, для обратнаго пути къ Нижнему.

Осенью — снова сильное войско двинулось къ Казани сухимъ путемъ и понеслось по Волгѣ подъ командою братьевъ Іоанна — князей Юрія и Андрея. Они явились подъ Казанью, разбили Татаръ и заключили миръ, въ числѣ условій котораго было: свобода всѣхъ Русскихъ, попавшихся въ плѣнъ, въ теченіи сорока лѣтъ. Такъ кончилась война 1469 года, но, впослѣдствіи,
1472 Іоаннъ завоевалъ, зависѣвшую отъ Новгорода, Пермь. Россія, расширивъ свои границы до Ура-

ла, окружала владѣнія Казанскаго Царства, чувствовавшаго уже тяготу надъ собою могущества Русскихъ.

До Ибрагима, ненарушавшаго спокойствія Россіи, дошли ложные слухи, что, разбитый Новгородцами, Іоаннъ едва скрылся въ Москву —
1478 раненный. Надежда ободрила казанскаго царя и онъ, зимою, направившись въ Вятскую область, опустошилъ села и приступилъ къ городамъ, но ему было отомщено весною. Вятчане и Устюжане раззоряли и жгли владѣнія ихъ около Камы, а воевода Василій Образецъ, раззоряя села на берегахъ Волги, пробрался до Казани и приступилъ къ городу, но оставилъ его по случаю ужасной бури. Война кончилась миромъ, просимымъ Ибрагимомъ.

V.

Аллей, послѣднiй ханъ независимой Казани и его низверженiе. Виды русскаго и крымскаго двора.

—

По смерти Ибрагима, случившейся вскорѣ послѣ заключеннаго мира, въ Казани возникли несогласiя по вопросу: кому быть наслѣдникомъ престола, изъ многихъ дѣтей, оставшихся отъ разныхъ женъ? Выборъ остался на сторонѣ двухъ сильныхъ партiй; одни хотѣли возвести на престолъ старшаго сына Ибрагимова Аллей-хана, сторону котораго держала и Ногайская Орда; но другiе — Махметъ-Аминя, рожденнаго отъ Нур-султанъ, вдовствовавшей дочери Темира, соединившейся вторымъ бракомъ съ таврическимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ. Избранiе царя занимало Дворы

Крымскій и Россійскій, державшихъ сторону Аминь-хана, но партія Аллей-хана, пересилила. На престолъ Казанскій, съ помощію Ногаевъ, былъ возведенъ Аллей-ханъ и тѣмъ болѣе это не отвѣчало видамъ Русскаго Двора, что онъ видѣлъ тѣсный союзъ его съ ненавистниками Россіи — Ногаями, но не съ Крымскою Ордою, гдѣ царствовавшій Менгли-Гирей былъ другомъ Іоанна. Махметъ-Аминь пріѣхалъ въ Москву и Іоаннъ далъ ему Каширу.

Аллей-ханъ, ненавидимый большою частію подданныхъ, вторгался въ Россію, чѣмъ платили и Русскіе; но кромѣ частыхъ незначительныхъ стычекъ, съ оберегавшимъ русскіе границы войскомъ, не было важныхъ дѣйствій. Вражда Аллей-хана обязывала къ неусыпной осторожности. Онъ столько былъ вѣроломенъ, что нынѣ клянется быть съ Россіею въ неразрывной дружбѣ, а завтра пылаютъ русскія села; но это наконецъ вывело Іоанна изъ терпѣнія. Онъ отправилъ сильную рать съ Махметъ-Аминемъ и Даніиломъ Холмскимъ, которая 18 мая и осади-

ла Казань. Русскіе громили со всѣхъ сторонъ городъ, истребляли вылазки, лишили Казань всякаго сообщенія съ окрестными мѣстами и жгли городскія стѣны. Наконецъ, послѣ упорной битвы, Казань взята была Русскими 9 Іюля, и Аллей-ханъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, достался въ руки побѣдителей.

VI.

Казань подъ зависимостію Россіи. Заточеніе Аллей-хана. Махметъ-Аминь-ханъ и низверженіе его. Мамукъ и изгнаніе его.

—

Въ 1487 году, уже Россія дала Казани царя, возведеннаго на престолъ Даніиломъ Холмскимъ, и какъ царь такъ и народъ, присягнули въ вѣрности Іоанну, принявшему титулъ *Государя Болгаріи.* Аминь-ханъ былъ уже присяжнымъ данникомъ Россіи, а Холмскій судьею мятежныхъ казанцевъ. Возведя на престолъ новаго государя, онъ казнилъ многихъ казанскихъ вельможъ и отправилъ въ Россію Аллея съ его семействомъ.

И такъ Аллей-ханъ сведенъ былъ съ престо-

ла для иноземной темницы, гдѣ рѣшилась участь царствовавшаго дома. Аллей съ женою отправленъ былъ въ Вологду, а мать и два брата на Бѣло-Озеро. За освобожденіе Аллей-хана предстательствовала Ногайская Орда, но Іоаннъ отказалъ ей рѣшительно, и царствовавшее семейство, разобщенное суровыми лѣсами, изчезло въ заточеніи. Судьба одного только царевича Кудай-Руля была иная. Просвѣщенный крещеніемъ, онъ женился на дочери Великаго Князя Евдокіи; но снѣдаемый тайною грустью о судьбѣ его ближнихъ, умеръ чрезъ годъ послѣ супружества.

Воцареніе Махметъ-Аминя совершенно отвѣчало политикѣ Русскаго Двора, потому что Россія успокоена была со стороны Казани и укрѣпился тѣсный союзъ съ Крымомъ. Это удовлетворило желанію Нур-султалъ, женщины честолюбивой, имѣвшей сильное вліяніе на Менгли-Гирея, котораго собственная нетвердая воля слабѣла и отъ старости лѣтъ. Россія распространила предѣлы до Урала, и покоривъ еще въ 1489 году Вятку, сосѣдку Казани, овладѣла ближай-

шею къ ней и зависѣвшую отъ Казанскаго Царства вотяцкою землею съ городомъ Арскомъ, Взятые въ плѣнъ вотяцкіе князья были изъ Москвы отпущены, обязанные клятвою подданства.

Махметъ-Аминь, возведенный на казанскій престолъ Іоанномъ, окруженъ былъ владѣніями Россіи уже сильной. Соглашая правленіе свое съ политикою Двора Россійскаго, Махметъ-Аминъ тревожилъ нападеніями улусы Золотой Орды. Угождая Іоанну, онъ не нравился вельможамъ ненавистникамъ Россіи, а алчнымъ, корыстолюбивымъ и злобнымъ нравомъ—всѣмъ гражданамъ. Тайно зрѣла для него измѣна, и наконецъ Махметъ-Аминь узналъ, что владѣтель Шибанскій— Мамукъ, вызванный на тронъ вельможами, приближается къ Казани. Махметъ-Аминь просилъ отъ Іоанна помощи—и сильная рать, ведомая княземъ Ряполовскимъ, приближилась къ Казани. Мамукъ отступилъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обличились нѣкоторые изъ казанскихъ измѣнниковъ, которые неминуемо должны были оста-

вить мятежныя головы свои на позорной площади. Ряполовскій отступилъ въ Россію и, казалось, воцарилось спокойствіе; но едва прошелъ мѣсяцъ, Мамукъ внѣзапно явился подъ Казанью, выгналъ Махметъ-Аминя и возсѣлъ на престолъ казанскій. Махметъ-Аминю оставался одинъ путь — въ Россію. Долговременно ли было царствованіе Мамука? Не царь, но хищникъ беззаконный явился въ образѣ источника закона. Достояніе вельможъ и гражданъ сдѣлалось собственностію Мамука, а темница участью обиженныхъ. Алчный и неблагодарный, онъ не пощадилъ даже и вельможъ
1497 измѣнниковъ, предавшихъ ему царство. Съ открытіемъ весны, онъ, коварно поощряемый казанцами, выступилъ для завоеванія Арска, но предувѣдомленные вотяцкіе князья сдѣлали сильное сопротивленіе. Казанцамъ только и надобно было, чтобъ онъ выступилъ изъ Казани съ призванными иноземцами. При возвращеніи Мамука въ Казань, послѣ неудачной осады его, онъ увидѣлъ на стѣнахъ вооруженныхъ гражданъ, вопіявшихъ къ нему: „намъ не надобенъ царь разбойникъ!“ и Мамуку оставалось только одно — возвратиться въ свои улусы.

VII.

Абдулъ-Летифъ ханъ, низверженіе его и заточеніе. Вторичное воцареніе Махметъ-Аминя, его неблагодарность, грабежъ купцовъ и вторженіе въ Россію. Состояніе Казани и ея ярмонка.

—

Тогда какъ граждане отражали Мамука, послы казанскіе спѣшили въ Москву съ извиненіемъ въ нарушеніи воли Іоанна, а вмѣстѣ съ тѣмъ оправдывались, что не могли сносить утѣсненія Махметъ-Аминя. Они просили на царство Абдулъ-Летифа, втораго пасынка Менгли-Гирея и Іоаннъ исполнилъ ихъ волю; Абдулъ-Летифъ
1497 (Семеномъ Даніиловичемъ Холмскимъ и Θеодоромъ Палецкимъ) возведенъ былъ на престолъ казанскій. Іоаннъ, не желая огорчить этимъ Махметъ-

Аминя, далъ ему Каширу, Серпуховъ и Хотунь, роптавшихъ потомъ на его управленіе. Въ 1499 году, подступилъ подъ Казань шибанскій царевичъ Агалакъ, братъ Мамуковъ; но съ приближеніемъ, для защиты казанцевъ, русскаго войска, подъ командою Ѳ. Бѣльскаго, — отправился обратно въ свои улусы. Царство Абдулъ-Летифа небыло спокойно, потому что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ стѣны города окружили Ногаи, явившіеся подъ Казань для низверженія Абдулъ-Летифа; но это кончилось тѣмъ, что Ногаи были разбиты и разсѣяны, оставшимися для защиты царя: М. Курбскимъ и Лобаномъ Ряполовскимъ. Несмотря на то, что Абдулъ-Летифъ, призрѣнный еще Россіею и прежде, потомъ возведенъ былъ на престолъ казанскій и защищаемъ силою русскаго оружія — онъ малодушно увлекся коварными навѣтами вельможъ казанскихъ и замыслилъ отложеніе отъ зависимости Россіи, надѣясь на соединеніе съ ея врагами. Іоаннъ отправилъ князя Василія Ноздреватаго въ Казань, для низведенія Абдулъ-Летифа съ престола. Царь Казанскій, сведенный безъ особеннаго шуму, привезенъ былъ въ Москву,

а оттуда отправленъ въ заточеніе на Бѣло-Озеро. И такъ снова суровые сѣверные лѣса, повитые бѣлозерскими туманами, сдѣлались ссылкою другаго царя казанскаго. Впрочемъ сторона эта небыла могилою Абдулъ-Летифъ-хана. По предстательству за него Менгли-Гирея, съ которымъ не прерывалась дружба Іоанна, хотя Абдулъ-Летифъ и небылъ выпущенъ изъ Россіи, но ему дано соотвѣтственное царскому значенію содержаніе.

1502 На престолъ низверженнаго Абдулъ-Летифа, тогда же возведенъ былъ Махметъ-Аминь вторично и онъ, вмѣстѣ съ казанцами, присягнулъ въ вѣрности Государю Московскому. Нравственныя свойства его уже извѣстны; но таковъ ли онъ остался, каковымъ былъ въ отношеніи къ Іоанну, истинному благодѣтелю, второму отцу, давшему ему политическое существованіе въ составѣ монарховъ? Къ непохвальнымъ свойствамъ его, онъ воспиталъ еще въ сердцѣ своемъ ненависть къ Россіи, а плодами ея была измѣна Іоанну.—Это сѣмя, павшее на небезплодную почву

заброшено было женою его, вдовою Аллей-хана. Увиваясь на шеи и раздувая сердце ласками — она отравливала святое чувство признательности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, тайно совѣщаясь съ татарскими вельможами, и посредствомъ ихъ дѣйствовала на Аминь-хана. Въ минуты распаленныхъ чувствъ Махметъ-Аминя, она говорила ему: „что „ты болѣе, какъ не рабъ московскаго тира-„на! Тогда, какъ нынѣ ты на престолѣ, завтра „для тебя, подобно Аллей-хану, отверста темни-„ца. Да, тебя презираютъ цари и народы! Воз-„стань! перейди отъ униженія къ величію, свер-„гни иго, или лучше умереть для славы!" Словомъ, жена его была — женщина! т. е. существо ловкое, хитрое. Она изучила тѣ чувственныя мгновенія, когда они открыты, для воспріятія ослѣпительной силы обояній; и — Махметъ-Аминь былъ побѣжденъ! Передѣланный женою, Махметъ-Аминь отправилъ одного изъ вельможъ, князя Уфимскаго съ такими представленіями въ Москву, гдѣ, вѣроятно, разгадали намѣренія его. Для объясненія съ царемъ казанскимъ, отправленъ былъ дьякъ Кляпикъ, но

Махметъ-Аминь такъ дѣйствовалъ, что скоро обнаружились его умыслы. Онъ доказалъ себя разграбленіемъ русскихъ купцовъ, уже 17 лѣтъ, довѣрчиво миру, торговавшихъ въ Казани — и вотъ подробности этого обстоятельства:

Казань въ это время была уже городомъ многолюднымъ и цвѣтущимъ. Однимъ словомъ, она замѣнила прежнія Болгары, перемѣнившіе только имя и мѣсто свое. Кромѣ того, болѣе короткое знакомство съ Сибирью, открыло ей новые пути торговой дѣятельности, и она кипѣла въ Казани. Іюня 24, бывала знаменитая и многолюднѣйшая ярмонка, похожая на нынѣшнюю нижегородскую, гдѣ встрѣчались и азіатскіе торговцы отъ востока, и сибирскіе народы, и русскіе купцы. Въ день самой ярмонки,
1505 схватили великокняжескаго посла, нѣкоторыхъ русскихъ убили безъ различія пола и лѣтъ, нѣкоторыхъ заточили въ ногайскіе улусы; но всѣ купцы ограблены были — безъизъятія. Тогда Казань разбогатѣла купеческимъ достояніемъ, а ограбленныя серебро и золото блистали на пи-

рахъ царскихъ. Дѣло уже началось, а потому надобно было и довершить его. Сорокатысячный корпусъ Казанцевъ и 20,000 вызванныхъ Ногаевъ—ринулись въ Россію. Запылали русскія села и гибли подъ ударами тысячи земледѣльцевъ; но скоро рать появилась и подъ Нижнимъ, обративъ въ пепелъ его посады. Нижегородскій воевода Хабаръ Симскій, неожидая нашествія Татаръ, имѣлъ очень мало войска, а потому выпустивъ изъ подъ ареста 300 литовскихъ плѣнниковъ, вооружилъ ихъ, съ исполненнымъ (послѣ) обѣщаніемъ—свободы и награды. Крѣпость была спасена искуствомъ и мѣткостію ружей;—пули не летали даромъ. Когда былъ убитъ ногайскій князь, шуринъ царя казанскаго, Ногаи отказывались отъ битвы, родились междоусобія и удары направились другъ на друга. Махметъ-Аминь едва смирилъ ихъ и, снявъ осаду, пошелъ обратно. Наказать Махметъ-Аминя—было отправлено 100-тысячное войско; но воеводы, узнавшіе въ Муромѣ объ удаленіи казанскаго царя—не пошли за нимъ.

VIII.

Походъ Русскихъ къ Казани и отраженіе ихъ. Махметъ-Аминь признаетъ себя зависимымъ отъ Россіи, его раскаяніе и смерть.

—

1806 Іоаннъ III скончался, но для расчета за купцевъ, раззореніе края и истребленіе мирныхъ поселянъ—явилось подъ Казанью войско. Маія 22, Русскіе побѣдили Казанцевъ и вогнали ихъ въ городъ; но внѣзапно, съ тылу, нахлынула татарская конница и засверкали сабли надъ головами воиновъ, утомленныхъ походами, битвою и знойнымъ днемъ. Русскіе, отрѣзанные отъ судовъ и смѣшавшіеся, бѣжали въ безпорядкѣ, съ большимъ урономъ погибшихъ: въ битвѣ, Поганомъ озерѣ и много взято въ плѣнъ.

Іюня 22, Махметъ-Аминь-ханъ, сановники и граждане пиршествовали подъ открытомъ небомъ —на лугахъ Арскаго поля. Тамъ было раскинуто множество шатровъ, ликовали Казанцы и, по-случаю приближавшейся ярмонки, разбиты палатки татаръ и иноземныхъ купцевъ. Все дышало азіатскою нѣгою, питаемою пресыщеніями и забавами; но смерть и ужасы спѣшили быть гостями праздника. Нагрянули московскіе полки, подъ главнымъ начальствомъ Дмитрія, брата Великаго Князя. Они били безоружныхъ гражданъ, давили женъ и дѣтей, преслѣдовали Татаръ, вогнали въ городъ, хлынули-было туда заними сами и имъ бы досталась Казань самою легкою побѣдою; но на Арскомъ полѣ ждала ихъ добыча и роскошное угощеніе. Увлеченные добычами и наслѣдуя пиромъ—они забыли, что пируютъ въ странѣ враждебной, что бдительность враговъ въ подобномъ случаѣ не дремлетъ и что они побѣдители только случайные. Іюня 25, едва солнце загорѣлось на востокѣ— пятидесятитысячный корпусъ нагрянулъ на дремлющій станъ Русскихъ, которыхъ было до ста

тысячъ; но эта рѣзвая внѣзапность смѣшала войско, обратившееся въ бѣгство безъ всякаго порядка и оно устилало трупами казанскія поля, гдѣ легли воеводы—князья: Курбскій и Палецкій. Войско бросилось на суда и спѣшило удалиться; но безъукоризненно можно отозваться, о командовавшемъ московскою конницею Ѳ. Киселевѣ и служиломъ царевичѣ Зеденаѣ. Конница ретировалась въ стройномъ порядкѣ и, преслѣдуемая Казанцами, она отразила ихъ натискъ на берегахъ Суры, въ 40 верстахъ отъ Казани.

Махметъ-Аминь, предвидя что Русскіе не оставятъ этого обстоятельства, съ блистательнымъ его началомъ и постыднымъ концомъ, остановилъ новый походъ Русскихъ миромъ. Онъ, изъявивъ свою покорность Великому Князю Василію, выполнилъ потомъ его волю освобожденіемъ плѣнныхъ, и призналъ себя зависимымъ отъ Россіи ея другомъ на тѣхъ мирныхъ условіяхъ, которыя
1508 существовали при Іоаннѣ III. По вліянію крымскаго двора, Абдулъ-Латифъ-хану—брату Махметъ-Аминя—данъ во владѣніе Юрьевъ, но толь-

ко, несмотря и на Менгли-Гирея, онъ неотпущенъ изъ Россіи.

Къ скрѣпленію миролюбивыхъ отношеній между Махметъ-Аминь ханомъ и Россійскимъ Дворомъ, содѣйствовалъ пріѣздъ жены Менгли-Гирея, Нурсултанъ, прибывшей съ царевичемъ Саипомъ и тремя послами. Цѣль пріѣзда была та, чтобы видѣться съ ея сыновьями Абдулъ-Летифомъ и Махметъ-Аминемъ. Дѣйствительно, послѣ свиданія ея въ Казани съ царемъ, Махметъ-Аминь изъявилъ всю искренность Василію, и посланному къ нему боярину Ивану Челядину высказалъ о причинахъ прежнихъ козней, пружиною
1510 которыхъ была жена его. И точно, когда Махметъ-Аминь занемогъ тяжелымъ недугомъ,— когда, палимое внутреннимъ огнемъ, тѣло его покрыто было знойными язвами, гнѣздилищемъ червей—онъ обнаружилъ чувства свои къ Василію. Считая его благодѣтелемъ, онъ свою скорбь приписывалъ Небесной карѣ за прежнее вѣроломство и, объятый томительнымъ недугомъ, вопіялъ: „Іоаннъ былъ отцемъ мнѣ, но я слушался ко-

„варныхъ навѣтовъ жены и зломъ платилъ за „благодѣянія! Теперь, караемому Русскимъ Богомъ за неправду, для чего мнѣ золото, престолъ, вѣнецъ и жены, которыхъ оставлю „ другимъ!...

Мучимый совѣстью, казанскій царь, удостовѣряя Василья въ искренности, отправилъ къ нему 300 коней, украшенныхъ дорогими сѣдлами и богатыми коврами, — шатеръ, подаренный ему персидскимъ шахомъ, свой царскій доспѣхъ и щитъ. Притомъ просилъ Василія, чтобы, въ случаѣ смерти его, вѣнчалъ на царство Абдулъ-Летифа. Василій клятвенно обѣщалъ исполнить желаніе Махметъ-Аминя, а, между прочимъ, Абдулъ-Летифу далъ городъ Каширу. Съ другой стороны, объ Абдулъ-Летифѣ просилъ ханъ крымскій, что тоже отвѣчало теченію политическихъ дѣлъ Русскаго Двора; но Абдулъ-Летифъ непережилъ кончины брата. Тогда Махметъ-Гирей предстательствовалъ о престолѣ, казанскомъ для брата своего Саипъ-Гирея. Крымскій ханъ простиралъ виды на зависимость отъ него Казани, но случилось иначе.

Наконецъ Махметъ-Аминь, томимый предъ смертными мученіями, окончилъ жизнь. По завѣту его, Казанцы просили царя отъ Василія; но не могъ Государь согласиться на воцареніе Саипъ-Гирея, когда предвидѣлъ, соединенныхъ кровавыми узами, враговъ Россіи; а чрезъ это, выпустивъ изъ рукъ Казань, онъ усилилъ бы Крымское Ханство. Василій, къ удовольствію Казани, назначилъ царемъ ея, воспитаннаго въ Россіи, Шигъ-Алея, внука Ахмета сына Шахъ-Альвсара, переселившагося въ Россію изъ Астрахани и владѣвшаго городомъ Мещерскомъ. Казанцы отправили за царемъ посольство, и Дмитрій Бѣльскій, возведя на престолъ казанскій юнаго Шигъ-Алея, обязалъ народъ клятвою въ вѣрности къ Государю Московскому.

IX.

Шигъ-Алей, низверженіе его, заключеніе и прибытіе въ Россію. Саипъ-Гирей, вторженіе его въ Россію и бѣгство изъ Казани. Сафа-Гирей, война съ Россіею и его низверженіе.

—

Шигъ-Алей на престолѣ казанскомъ царствовалъ спокойно, признавая себя зависимымъ отъ Россіи. Царь преданный Россіи, — въ царствѣ, ненавидѣвшемъ ея вліянія — немогъ быть любимъ народомъ. Вельможи совѣтовали ему отступить отъ Россіи, но онъ судилъ ихъ за это какъ мятежниковъ противу власти законной, а тѣмъ болѣе воспиталъ нелюбовь къ себѣ народа. Шигъ-Алей имѣлъ доброе сердце съ характеромъ умѣреннымъ, но въ этихъ чертахъ нрава находили слабость, недостойную государя. Кнесчастію, съ видомъ женоподобнымъ, не завид-

нымъ сложеніемъ тѣла и нравомъ склоннымъ къ чувственнымъ наслажденіямъ, до забвенія иногда дѣлъ государственныхъ — онъ, въ трехълѣтнее свое царствованіе, умножилъ недоброжелателей. Всѣ ожидали только искры, — чтобы вспыхнуть мятежемъ, и она раздувалась при дворѣ крымскаго хана. Усыплена была бдительность Шигъ-Алея, но происки политики крымскаго двора открыли тайную стезю, для сношеній съ казанскими вельможами. Крымскій ханъ обольщалъ Казань независимостью. Онъ, предлагая на престолъ брата Саипъ-Гирея, взывалъ: — соединенными силами съ Тавридою, возстановить
1521 могущество Чингисъ-хана. И такъ для Саипъ-Гирея, внезапно явившагося подъ стѣнами Казани, отворились ворота — и онъ признанъ царемъ казанскимъ. Шигъ-Алей увидѣлъ себя низверженнымъ съ трона въ темницу, а вмѣстѣ съ нимъ раздѣлили эту участь московскій воевода Карповъ и посолъ Юрьевъ. Русскіе купцы были ограблены и разсажены по тюрьмамъ.

Наконецъ хищникъ царства, освободивъ изъ

темницы законнаго государя и воеводу Карпова, далъ Шигъ-Алею свободу, лошадь и проводника — выѣхать съ женою изъ Казани въ Россію; но такъ обезпечилъ его на дорогу, что Шигъ-Алей, доѣхавъ до Волги, имѣлъ на первый разъ пристанище у русскихъ рыбалововъ, у которыхъ питался кореньями и сухою рыбою. Шигъ-Аллей въ величайшей, крайности добрался до россійскихъ предѣловъ, гдѣ уже встрѣченный чиновниками, гражданами и народомъ, — съ свойственною значенію его пышностью, достигнулъ до столицы. Въ Москвѣ царя изгнанника встрѣтили торжественно, а Великій Князь, привѣтствуя его на крыльцѣ дворца, обнялъ какъ брата. Они оба плакали и Василій обѣщалъ за него мщеніе, но вскорѣ былъ самъ предупрежденъ вторженіемъ крымскихъ Татаръ, въ Россію. Саипъ-Гирей, отвѣчая союзу и политикѣ крымскаго хана, опустошавшаго уже Россію мечемъ и огнемъ, соединился подъ Коломною съ Крымцами. Саипъ явилъ себя злодѣемъ, осквернявшимъ даже Святыню Русскихъ, и соединенные силы враговъ достигнули до Москвы. Война

кончилась мирными условіями съ крымскимъ ханомъ, котораго собственныя дѣла отзывали въ Тавриду Саипъ ханъ, въ расчетѣ сподвижника, былъ только лицемъ страдательнымъ — его помощникомъ, варваромъ и грабителемъ Россіи. Для звѣронравнаго Саипъ-Гирея недостаточно было раззоренія Россіи. Услышавъ о громахъ Менгли-Гирея подъ Астраханью, онъ, въ ознаменованіе торжества его побѣды, умертвилъ задержанныхъ въ Казани русскихъ купцовъ и посла Юрьева. Впрочемъ надежды его обманули. Менгли-Гирей съ сыномъ, измѣннически умерщвлены были Ногаями, а другой сынъ удавленъ новымъ крымскимъ ханомъ Сейдъ-Гиреемъ. Онъ, возведенный на ханство турецкимъ султаномъ, просилъ Васильевой дружбы, въ условіяхъ которой было — прощеніе единокровнаго ему Саипъ-Гирея, но Василій отвѣчалъ: „Государи воюютъ, но „пословъ и купцовъ не убиваютъ; нѣтъ и небу-„детъ мира съ злодѣемъ.

Дѣйствительно, когда еще длились мирные переговоры съ Тавридой, — въ этомъ же году въ

казанскіе предѣлы нагрянуло отправленное изъ Нижняго войско, подъ командою царя Шигъ-Алея, князя Василья Шуйскаго и Бориса Горбатаго. Кромѣ опустошенія ими казанской земли на берегу Волги, гдѣ Русскіе воевали до осени — Саипъ-Гирей увидѣлъ, основанный ими при устьяхъ Суры, городъ Василь-Сурскій и это привело его въ смятеніе. Съ лишеніемъ Менгли-Гирея, обольщавшаго замыслами: — соединенными силами возобновить непобѣдимое царство Чингисъ-хана, — Саипъ-Гирей остался царемъ казанскимъ, ожидающимъ только бѣды на свою голову, — а новый городъ предсказывалъ ему о мести и силѣ Русскихъ. Саипъ-Гирей прибѣгнулъ подъ покровительство турецкаго султана Солимана, объявляя себя подданнымъ его; но султанское вниманіе къ судьбѣ Казанскаго Царства было довольно холодно. Турецкій султанъ объявилъ Казанское Царство своею областью, но ему сказано, что Казань была и будетъ подвластна Россійскому Государю, а Саипъ-Гирей, мятежникъ и не имѣетъ права дарить ее султану.

Весною 1524 года, Саипъ-Гирей заслышалъ

приближеніе 150,000 русскаго войска, идущаго подъ командою Шигъ-Алея, И. Бѣльскаго, Горбатаго, Захарьина, С. Курбскаго, И. Лядскаго и командовавшаго конницею Хабара Симскаго. Ужаснувшійся Гирей, бѣжалъ въ Тавриду, оставивъ тринадцатилѣтняго племянника, внука Менгли-Гирея, Сафа-Гирея. Онъ объявилъ Казанцамъ, что ѣдетъ просить султановой помощи, единственнаго средства для спасенія отъ Русскихъ; но, уѣхавъ, уже не возвращался. Казанцы давно знали силу Русскихъ, а потому оставленные безъ царя малодушно бросившаго, на произволъ судьбы, царство, провозгласили царемъ Сафа-Гирея, и соединенными силами съ Чувашами и Черемисами, ждали пришествія Русскихъ.

Русское войско ожидало конницы Хабара, а между тѣмъ происходили легкія сшибки. Шигъ-Алей писалъ къ Сафа-Гирею, какъ къ мальчику, чтобъ онъ удалился въ свое отечество, и не былъ бы причиною кровопролитія; но Сафа-Гирей отвѣчалъ: чья побѣда того и царство—

сразимся! Дѣйствительно Сафа-Гирей былъ счастливъ однимъ лишь бездѣйствіемъ Русскихъ. Тогда какъ загорѣлась стѣна Казани, Русскіе только смотрѣли какъ гасили ее, а потомъ видѣли какъ строили и новую. Они 28 Іюля перенесли станъ на луговую сторону Волги и бездѣйствовали тогда, какъ Татары жгли поля и стерегли дороги, чтобы лишить русское войско всякаго подвоза. Наконецъ разнесся слухъ и о истребленіи русской конницы, и такая вѣсть привела всѣхъ въ смятеніе; но это были ложные слухи, основанные на томъ, что Черемисы разбили одинъ только московской конной отрядъ; а напротивъ того, Хабаръ на берегахъ Свіяги, въ 20 верстахъ отъ Казани разбилъ Татаръ и Чувашъ, желавшихъ преградить ему дорогу къ русскому стану.

Къ оплошностямъ и бездѣйствіямъ Русскихъ подоспѣло еще несчастіе—истребленіе судовъ, отправленныхъ изъ Нижняго-Новгорода съ хлѣбомъ и тяжелымъ огнестрѣльнымъ снарядомъ. Когда мчались по Волгѣ, влекомые

быстротою водъ суда, — Черемисы приготовили имъ гибель. Они запрудили Волгу въ мѣстахъ, гдѣ способствовали къ этому острова и суда, встрѣчая непредвидѣнныя загроможденія, останавливались, а объ нихъ разбивались другія. Кромѣ того, на гибель людей летѣли сверху камни и бревна, такъ что недосчитывалось нѣсколькихъ тысячь человѣкъ, и немногія суда достигли русскаго стана. Несмотря на это, Русскіе могли бы взять Казань при замѣшательствѣ Казанцевъ, когда убили лучшаго ихъ пушкаря, но опасенія голода и неудачи, остановили воеводъ. Они склонились на миръ, дары и обѣщанія отправить въ Москву посольство—и эта война кончилась только безполезною гибелью множества Русскихъ. Казанскіе послы мира явились къ Василію и просили утвердить Сафа-Гирея въ царскомъ достоинствѣ. Василій требовалъ доказательства и залога въ вѣрности. Онъ, для переговора, отправилъ къ Сафѣ-Гирею князя Пенькова—и Казань на нѣкоторое время утихла.

Конечно уже на Казань смотрѣли какъ на

самую вѣроломную и лютую сосѣдку, а потому, послѣ недобросовѣстнаго поступка съ рускими купцами на ярмонкѣ, должно было подумать о безопасности ихъ на предбудущее время. Василій, запретивъ купцамъ ѣздить въ Казань, назначилъ мѣсто торговли на Волгѣ, гдѣ нынѣ Макарьевъ. Чрезъ это пала славная казанская ярмонка, потому что главное стремленіе туда купцовъ: астраханскихъ, персидскихъ и армянскихъ, было для пріобретенія мѣховъ. Кромѣ того Казанцы лишились соли и другихъ вещей необходимыхъ.

Ненадолго былъ миръ съ Казанью. Съ развитіемъ разсудка Сафа-Гирея, развивалась и злоба противъ Русскихъ. Онъ уже предложилъ другія условія мира и оскорбилъ великокняжескаго посла. Война казалась неизбѣжною—и казанскій царь, призвавъ Черемисъ и 30,000 Ногаевъ, ограждалъ предмѣстія глубокимъ рвомъ и острогомъ, а отъ Булака, чрезъ Арское поле до Казанки, провелъ новую стѣну, осыпалъ ее камнемъ и землею. Между прочимъ, въ Казань тя-

нулось многочисленное войско и сухимъ путемъ и Волгою, подъ начальствомъ И. Бѣльскаго, М. Глинскаго, Оболенскаго, Курбскаго, Горбатаго. Конница Хабара, отражая нападенія, тоже соединилась съ пѣхотою и войско расположилось на луговой сторонѣ Волги. Съ этихъ поръ начались битвы съ большою упорностію обѣихъ сторонъ; но ничто еще не обѣщало конца дѣла — перевѣса ни на чьей сторонѣ небыло. Невдругъ Русскимъ открылся для побѣды благопріятный случай, которымъ надобно было пользоваться. Когда 16 Іюля, по обыкновенію, послѣ битвы пировали Татары, привыкнувшіе уже сплошно проводить ночи, — ратники полка князя Оболенскаго примѣтили, что около Казани одна только стража, но къ ней тоже прокрался спокойный сонъ и Русскіе воспользовались этимъ случаемъ. Съ запасомъ сѣры и смолы, они притаивъ дыханіе, осторожно подползли къ стѣнѣ, натерли ее горючими веществами — и скоро запылалъ зажженный въ разныхъ мѣстахъ острогъ. Съ трубнымъ звукомъ и торжественными кликами бросились Русскіе, ворвались въ укрѣпленія

и, въ безпощадной сѣчѣ, положили 60,000 татарскихъ головъ: гражданъ и воиновъ съ ихъ богатыремъ Атылыкомъ. Казань пришла въ смятеніе, а Сафа-Гирей бѣжалъ въ Арской городъ. Князь Оболенскій гнался за царемъ съ легкимъ отрядомъ, но остальные не остереглись отъ натиска Черемисовъ, отбившихъ у Русскихъ обозъ и 70 пушекъ,—съ запасомъ пороху и ядеръ. Тогда между убитыми нашли Ѳ. Оболенскаго и Лопату. Несмотря на нанесенный Русскимъ ударъ съ лишеніемъ необходимаго для войска, воеводы осадили городъ, гдѣ было неболѣе 12,000 воиновъ. Они могли бы взять Казань, но случилось иначе. Подозрѣваемый въ лихоимномъ своекорыстіи Бѣльскій согласился на миръ, предложенный Татарами, обѣщавшимися прислать къ Василію пословъ и не избирать царя безъ его согласія.

Послѣ этой битвы, татарскіе послы изъ знаменитыхъ князей: Тагай, Тевекелъ и Ибрагимъ явились къ Государю съ предстательствомъ за царя и народъ. Послы безпрекословно согласились

возвратить русскихъ плѣнныхъ и взятыя Черемисами пушки, а отъ Сафа-Гирея былъ отправленъ съ клятвенными грамотами гонецъ, но царь задержалъ его. Сафа-Гирей, въ свою очередь, извѣщалъ Василія, что онъ не можетъ ни присягнуть ни исполнить договора, до возвращенія казанскаго посольства, а вмѣстѣ съ тѣмъ тоже требовалъ обращенія плѣнныхъ и взятыхъ пушекъ. Сафа-Гирей просилъ посла изъ русскихъ вельможъ, но не гонца. Когда русскіе бояре, съ справедливымъ негодованіемъ, высказали все это казанскимъ посламъ, князь Тагай отвѣчалъ: „слышалъ объ этомъ и знаю, но мы „нелжецы и неклятвопреступники. Да будетъ „воля Бога и Великаго Князя!—мы хотимъ „усердно служить ему. Земли наши опустѣли, а „знатные мужи погибли. Мы онѣмѣли отъ ужа„са, Сафа-Гирей съ Ногаями и Крымцами дѣ„лаетъ что хочетъ. Онъ выпускаетъ слухъ о „приближеніи московской рати, мутитъ умами, „и, несдерживая слова, вводитъ насъ въ стыдъ. „Мы живы еще и имѣемъ друзей и силу. Мы „гонимъ Сафа-Гирея, и пусть Государь дастъ

„намъ царя.“ Когда отъ имени Государя говорили посламъ, что все равно кто нецарствуетъ въ Казани, но лишь бы онъ былъ вѣренъ клятвамъ и послушенъ, то послы просили на престолъ Казанскій Шигъ-Алея съ тѣмъ, чтобъ онъ ѣхалъ съ ними въ Василь, а оттуда они будутъ писать къ казанскимъ князьямъ, жителямъ арскимъ, горнымъ и луговымъ Черемисамъ.

Просьба пословъ была выполнена; Шигъ-Алей съ ними отпущенъ — и они дѣйствовали удачно. Сафа-Гирей былъ низвергнутъ съ престола и изгнанъ, а многихъ, изъ приближенныхъ къ нему крымскихъ вельможъ и Ногаевъ убили. Царевна Горшанда, сестра Махметъ-Аминя, содѣйствовала къ низверженію Сафа-Гирея, который хотѣлъ умертвить задержанныхъ Русскихъ, но его до этого недопустила жена Сафа-Гирея, отправленная потомъ въ Мамаевы улусы.

X.

Дженалей-ханъ. Заключеніе Шигъ-Алея и потомъ прощеніе его. Измѣна Казанцевъ и убіеніе Дженалея. Сафа-Гирей, царь казанскій. Война съ Россіею и бѣгство царя казанскаго.

—

Съ извѣщеніемъ Великаго Князя объ изгнаніи Сафа-Гирея, знаменитое сословіе, отъ лица народа, просило на престолъ казанскій, владѣвшаго городомъ Мещерскомъ Дженалея, младшаго брата Шигъ-Алея. Казанцы не желали имѣть Шигъ-Алея потому, что народъ опасался мщенія его за низверженіе съ престола, и Василій склонился на желаніе ихъ. Дженалей возведенъ на престолъ Окольничимъ Морозовымъ, и довольные Казанцы присягнули на подданство Великому Князю. Миръ и согласіе воцарились между Россіею и Казанью. Великій Князь, соревнуя

благосостоянію казанской стороны, уступилъ, бывшіе у нихъ, московскія пищали — и позволилъ Дженалею жениться на Суюмбекѣ, дочери ногайскаго мурзы Юсуфа, мужа совѣтнаго и уважаемаго турецкимъ султаномъ. Этотъ бракъ отвѣчалъ политическимъ видамъ и Казани, чтобы, чрезъ вліяніе сильнаго, умнаго и дальновиднаго Юсуфа — сблизиться съ безпокойными Ногаями.

Между тѣмъ какъ на престолъ казанскій вошелъ Дженалей, испытанная вѣрность Шигъ-Алея уступила страстямъ его. Надѣясь быть царемъ казанскимъ, но оставшись только владѣтелемъ русскихъ городовъ Каширы и Серпухова, — онъ, склоняя на свою сторону Казанцевъ, Астраханцевъ и Ногаевъ — тайно сносился съ ними на возстаніе противъ Дженалея. Умыслы Шихъ-Алея были открыты, и онъ съ женою низсланъ какъ преступникъ въ знакомую, низверженнымъ казанскимъ царямъ, сторону Бѣлаго Озера.

Три года благополучно царствовалъ Дженалей, юноша съ прекраснымъ сердцемъ и умомъ, ко-

торый созрѣвая въ немъ, обѣщалъ государя, дарованнаго для блага народа. Но можно ли было ожидать прочности престола шаткаго, гдѣ таился духъ мятежа и вѣроломства? Государь въ Казани не могъ быть особою священною, но только лицемъ подъ вліяніемъ случаевъ; — правителемъ такимъ, что иногда опасность его обезпечивалась только наблюденіемъ сторожевыхъ очей иноземцевъ. Дженалей не отвѣчалъ духу народа, потому что Казанцамъ нуженъ былъ государь не съ покорною головою Россіи, но безумные мечты ихъ создавали царя, который бы могъ вырвать казанскую луну изъ когтей Россійскаго Орла и возстановить независимость царства. Саипъ-Гирей нѣжилъ любимыя мечты Казанцевъ, и въ сердце ихъ забросилъ искру мятежа. Наконецъ бунтъ, раздуваемый Горшандою и княземъ Булатомъ; — вспыхнулъ! Зарокотала Казань надъ головою Дженалея, и низверженный царь, измѣннически умерщевленъ за городомъ на берегу Казанки.

Это обстоятельство обратило вниманіе русска-

го правительства, отправившаго въ Казань нарочнаго съ письмами къ царевнѣ и разнымъ лицамъ; но прежде нежели возвратился посланный, дошло до свѣденія бояръ, что въ Казани много сильныхъ лицъ, недовольныхъ положеніемъ дѣлъ царства. Они нетерпѣливо ждали низверженія Сафа-Гирея, такъ недавно еще снова вызваннаго ими и что же? Изгнавъ, радостно принятаго Сафа-Гирея, умертвили просимаго Дженалея и просили снова Шигъ-Алея, нѣкогда невинно сверженнаго съ престола. Тогда въ Россіи царствовалъ младенецъ Іоаннъ IV, и Шигъ-Алей, приготовляемый политикою Русскаго Двора на тронъ казанскій—былъ вызванъ изъ заточенія. Онъ палъ ницъ лицомъ предъ малолѣтнимъ Іоанномъ и, стоя на колѣняхъ, просилъ прощенія, внушая довѣренность къ себѣ слезами, какъ призракомъ чистосердечнаго раскаянія. Потомъ Шигъ-Алей введенъ былъ къ правительницѣ—и тоже подвергнулся къ ногамъ ее. Прощенный отъ опалы, онъ былъ отпущенъ съ честью, а жена его Фатьма Солиманъ была приглашена къ роскошному обѣду Елены, привѣтливо приняв-

шую ее. Наконецъ полученъ былъ отвѣтъ на письмо, но только дерзостный, оскорбительный; — а замыслы свергнуть Сафа-Гирея были неудачны. Вслѣдствіе этого, на Казань послана была рать подъ командою Гундорова и Замяцкаго, но Татары предупредили намѣреніе Русскихъ. Раззоряя нижегородскія земли, Татары разбили выступившихъ въ поле жителей Балахны. Подъ Лысковымъ встрѣтились они съ Русскими, но кончилось тѣмъ, что посмотрѣли другъ на друга и, дождавшись крова ночи, тѣ и другіе разошлись въ разныя стороны. Этихъ, недостойныхъ своего назначенія, военноначальниковъ — смѣнили, заключивъ ихъ въ тюрьму; но мѣста ихъ заступили Сабуровъ и Карповъ. Въ Каряковѣ они разбили Татаръ и союзныхъ имъ Черемисовъ, а плѣнныхъ отправили въ Москву, гдѣ ихъ и казнили какъ измѣнниковъ.

Не прекращались набѣги Татаръ и послѣ. Ихъ скопища были разбиты близъ Волги мещерскими козаками; но вмѣсто этого, Татары одержали побѣду надъ воеводами. Сабуровымъ и князем

Засѣкинымъ. Несмотря на то, что русскіе полки готовились итти къ Казани — Сафа-Гирей, начальствуя лично, подступилъ къ Мурому. Онъ обратилъ въ пепелъ предмѣстія, но удалился, заслышавъ приближеніе русскихъ полковъ. Казанскій царь ободряемъ былъ крымскимъ ханомъ Саипъ-Гиреемъ, вошедшимъ въ посредничество между Казанью и Россіею. Въ Крыму ограбили русскихъ пословъ, а Саипъ-Гирей, дерзкимъ своимъ письмомъ, запрещалъ Іоанну тревожить Казань, называя ее своею — требовалъ чтобъ Россія не имѣла притязанія на дань отъ нея, и призывалъ къ себѣ послами Василія Шуйскаго и Телепнева. Саипъ-Гирей ограждалъ Казань своими угрозами. До начатія войны съ нею, онъ отзывался видѣть московскихъ пословъ, и обѣщалъ русскую землю обратить въ прахъ. Русскіе отвергли миръ, предложенный Саипъ-Гиреемъ и собирались на Казань; но это намѣреніе остановили угрозы Саипъ-Гирея. Впрочемъ Россія не хотѣла показать себя робкою къ угрозамъ хана. Лавируя на политическомъ поприщѣ, она доказывала права свои на Казань, а вмѣстѣ скло-

нилась на миръ и дружбу съ Саипъ-Гиреемъ. Великій Князь обѣщалъ отправить къ нему пословъ, но только, по уважительнымъ причинамъ, не Шуйскаго, а Телепнева.

Когда еще дѣла длились, сначала проволочками, а потомъ уже Саипъ-Гирей питалъ коварство, чтобы подъ личиною дружбы обмануть бдительность Іоаннову, — созрѣлъ замыслъ Крымцевъ и Казанцевъ. Они думали соединенными силами вступить въ Россію, но этого сдѣлать было невозможно. Саипъ-Гирею нужна была весна съ ея подножнымъ кормомъ, но въ соображеніяхъ Сафа-Гирея былъ весенній разливъ Волги, разобщавшій его съ царствомъ. Кончилось тѣмъ, что должно было дѣйствовать раздѣльно, и тогда какъ Саипъ-Гирей ждалъ весны, — Сафа-Гирей пробрался въ Россію, по снѣгамъ ея въ декабрѣ 1740 года. Онъ подступилъ къ Мурому, но встрѣтилъ сильное сопротивленіе гражданъ и войска. Между прочимъ къ Мурому шли полки изъ Владиміра, подъ командою Дмитрія Бѣльскаго, а изъ Касимова царь Шигъ-Алей и ис-

треблями разсѣянныхъ въ мещерскихъ и въ муромскихъ селеніяхъ Татаръ. Сафа-Гирей бѣжалъ, преслѣдуемый Русскими, но негодованіе, часто сопутствующее неудачамъ—встрѣтило его и въ Казани. На Сафа-Гирея давно Казанцы смотрѣли, не только какъ на эгоиста, нерадѣвшаго о благѣ государства; но какъ на грабителя, разорявшаго вельможъ и гражданъ. Усиленный дружбою Саипъ-Гирея, онъ покупалъ ее истощеніемъ своего государства, потому что въ Тавридѣ блистало казанское золото, тогда какъ въ оскудѣлой черезъ него Казани должно было прибѣгать къ недобросовѣстнымъ средствамъ—грабить подданыхъ. На противной Сафа-Гирею сторонѣ былъ даже Булатъ—и тайное коварство дышало выдачею или убійствомъ царя. Оно высказалось наконецъ письмами въ Россію, за что Булату обѣщаны были милости съ забвеніемъ стараго, а, между прочимъ, въ Владимірѣ соединялись изъ 17 городовъ полки, подъ начальствомъ князя Ивана Шуйскаго—чтобы съ новою вѣстью изъ Казани, принять туда направленіе.

Въ ожиданіи похода въ Казань, было на-

шествіе Саипъ-Гирея, но побѣжденный и изгнанный — онъ, примѣромъ своимъ — искать съ Россіею мира, дѣйствовалъ и на Казань. Казанцы то же просили мира, но скоро дѣла приняли другой оборотъ, и Булатъ недумалъ о сверженіи Сафа-Гирея. Наконецъ обманы какъ царя, такъ и вельможъ, раздосадовали Іоанна. Онъ велѣлъ итти на Казань — и отправленное изъ Москвы разными путями войско, все по дорогѣ подвергало мечу и огню. Въ одинъ день и часъ войско сошлось подъ стѣнами Казани, выжгло его окрестности, царскіе кабаки и, волоча за собою плѣнныхъ, выступило обратно. Казанскій царь, подозрѣвая многихъ вельможъ въ единомысліи съ Россіею, нѣкоторыхъ умертвилъ или изгналъ, но вспыхнулъ бунтъ! Нужна была только искра — воспламенить духъ недовольнаго царемъ народа! и кара князей и вельможъ пала на голову Сафа-Гирея. Его хотѣли выдать Іоанну съ 13 крымскими князьями и требовали на царство Шигъ-Алея; но Іоаннъ тогда только думалъ исполнить ихъ волю, когда Сафа-Гирея небудетъ на престолѣ. Казанскій царь недождался своего низ-

верженія и скрылся съ оставшимися крымцами, потому что многіе уже изъ нихъ сдѣлались жертвою народнаго озлобленія.

XI.

Второе воцареніе Шигъ-Алея, жалкая его участь на тронѣ и бѣгство. Чура. Воцареніе въ третій разъ Сафа-Гирея и смерть его. Разногласіе. Походъ на Казань, осада ея, отступленіе Іоанна. Побѣда надъ Татарами.

—

1546 И такъ Дмитрій Бѣльскій и Палецкій торжественно возвели на тронъ Шигъ-Алея; но на тронъ шаткій, казавшійся только однимъ призракомъ казанскаго самодержавія. Шигъ-Алей былъ уже царь невольникъ, слѣпой исполнитель воли окружавшихъ его вельможъ; — государь, который не имѣлъ права ни выѣхать за городскія стѣны, ни показываться народу! Онъ былъ только невольнымъ кровымъ своеволія, обязанный даже въ письмахъ къ Іоанну писать о благополучномъ и

счастливомъ его царствованіи тогда, какъ вѣрныхъ ему вельможъ заключали въ темницу, а самоволіе пировало въ его дворцѣ и кто хотѣлъ, тотъ бралъ золотыя царскія чары.

Впрочемъ Шигъ-Алей, считавшій себя уже счастливымъ въ службѣ Іоанновой, нетолько не искалъ казанскаго престола, но предупреждаемый грустнымъ вѣстникомъ его сердца — предчувствіемъ, онъ, безъ собственнаго желанія, исполнилъ только волю Іоаннову. Дѣйствительно царствующій узникъ не зналъ какъ оставить ему тронъ свой. Мѣсяцъ бездѣйствуя на престолѣ, онъ дѣлился думою съ вѣрнымъ Россіи княземъ Чурою. Чура желалъ дѣйствовать на вельможъ убѣжденіями, но совѣты его открыли только двѣ неизбѣжныя стороны: раздраженіе Шигъ-Алея и мщеніе Іоанново. Расчетомъ политики Великаго Князя оставалось одно, — дать Казани другаго царя; но уже, окруженный Ногайцами, Сафа-Гирей былъ на Камѣ. Конечно Шигъ-Алея не выпустили бы изъ Казани живымъ — и объ этомъ

заговорѣ онъ извѣщенъ былъ Чурою. Оставалось одно — скрыться изъ Казани, но надобно было выждать случая, а между тѣмъ Чура приготовилъ суда. Побѣгу помогъ только праздникъ, съ буйнымъ его веселіемъ до утомленія. Когда все усталое заснуло глубокимъ сномъ, не спали двое: царь и Чура. Шигъ-Алей скрылся, отплылъ въ Россію, и скоро на престолъ казанскій восшелъ Сафа-Гирей.

Была ли счастлива Казань съ третьимъ его воцареніемъ? нѣтъ! Сафа-Гирей, ненавидѣвшій уже народъ, неосторожный и окруженный Крымцами и Ногаями, отмстилъ имъ за Шигъ-Алея. Онъ воцарилъ вмѣстѣ съ собою казнь и ужасы. Правленіе было таково, что 76 князей и мурзъ съ братьями Чуры, и нетолько въ числѣ ихъ вѣрные Алею; но и самые злодѣи, обольщенные и обманутые Сафа-Гиремъ, бѣжали въ Москву. Вслѣдъ за ними было посольство изъ горной Черемисы съ вѣстью, что сторона ихъ
1546 готова соединиться съ войскомъ. Въ томъ же году князь Александръ Горбатый отправленъ

къ устью Свіяги, съ тѣмъ чтобы осадить потомъ Казань; но онъ, ограничившись добычами, возвратился въ Москву и привелъ съ собою сто Черемисовъ, въ качествѣ народныхъ аманатовъ.

Преданія говорятъ, что царевна Горшанда, славившаяся познаніями и чародѣйствомъ, еще прежде низверженія Сафа-Гирея предсказывала величіе Россіи и гибель Казани. Конечно чародѣйство умнаго человѣка есть его дальновидность до гадательности; но какъ бы то нибыло, —приближалось время для исполненія предрѣченій. Царское намѣреніе—унять вѣроломныхъ и вредныхъ сосѣдей, было непоколебимо; и Іоаннъ самъ хотѣлъ пожать лавры подъ стѣнами Казани. Въ 1547 году, онъ выѣхалъ изъ Москвы для предводительства войскомъ; но судьба Казани противорѣчила на этотъ разъ Іоанну, и отсрочилось ея паденіе. Ненастье застигло на дорогѣ войско—и оно вязло въ грязи. Во время переправы снарядовъ и обозовъ, отъ оттепели треснулъ на Волгѣ ледъ, и все кануло на дно съ погибелью множества людей. Іоаннъ ночевалъ

тогда на островѣ Работкѣ, куда онъ прибылъ изъ Ельни, находящейся въ 15 верстахъ отъ Нижняго. Государь, свидѣтель несчастныхъ приключеній, три дня напрасно ожидалъ пути и, отуманенный печалью, возвратился въ Москву. Впрочемъ эта неудача не остановила твердаго намѣренія его. Возвращаясь въ Москву, онъ велѣлъ итти подъ Казань Бѣльскому, съ которымъ потомъ соединился Шигъ-Алей у устья Цивили. Слѣдствіемъ этого похода было—разбитіе Сафа-Гирея, прогнаннаго въ городъ Микулинскимъ и, вмѣстѣ съ многими плѣнными татарскими вельможами, попался въ руки богатырь Азикъ. Татары не унялись этимъ походомъ, но въ томъ же году раззоряли галицкія селенія. Впрочемъ
1548 эти дерскіе Татары положили и свои головы на берегахъ рѣчки Еговки. Тамъ, на роковомъ для нихъ Гусиномъ полѣ, погибъ и предводитель Татаръ—богатырь Аракъ. Ихъ истребилъ костромскій воевода Яковлевъ.

Сафа-Гирей не пережилъ и своего царства и третьяго низверженія. Убившись пьяный, онъ умеръ

оставивъ царство, на жертву политики и съ малолѣтнимъ Утемишъ-Гиреемъ. Тогда Казанцы послали нарочнаго къ Іоанну, съ предложеніемъ мира. Государь, далекій мысли о мирѣ его съ народомъ вѣроломнымъ и вреднымъ, отозвался тѣмъ, что о мирѣ говорятъ съ послами; но, между прочимъ, спѣшилъ предупредить это посольство и пользовался смутными обстоятельствами разногласія. Правительницею Казани оставалось Суюмбека—мать Утемишъ-Гирея, руководимая Юсупомъ; но другіе желали, чтобы крымскій ханъ далъ своего сына, который бы могъ защищать Казань отъ Русскихъ.

1549 Несмотря на лютые морозы, изъ разныхъ мѣстъ направлялись къ Казани полки, соединившіеся по-
1550 томъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, а 14 февраля они уже были подъ Казанью. Самъ Іоаннъ сталъ тогда на берегу озера Кабана, Шигъ-Алей и князь Бѣльскій,—съ главнымъ корпусомъ, на Арскомъ полѣ; остальное войско—за Казанкою, а артиллерія—у устья Булака и у озера Поганаго. Цѣлый день продолжалась губительная казанская

осада, ободряемая личною храбростію Іоанна; но дожди, ненастье и оттепели слѣдующихъ дней, до того испортили дороги и переправы, что невозможно было имѣть подвозу провизіи, — и это обязало отложить дальнѣйшія намѣренія. Русскіе обратились назадъ не покоривъ Казани, но въ этотъ походъ было основаніе города Свіяжска. Питая твердое намѣреніе покорить Казань, Іоаннъ осматривая ея окрестности, остановился на вершинѣ горы Круглой. Очарованный высокимъ мѣстомъ, открывшимъ ему даль во всѣ стороны — Государь объявилъ, одобренное всѣми намѣреніе, — построить христіанскій городъ. Между тѣмъ Юсупъ, силою краснорѣчія своего и политическою хитростію, хотѣлъ обмануть Іоанна; но это былъ только ободрительный голосъ надежды, питаемой скудною мыслію. Тогда же Юсупъ предлагалъ Іоанну — выдать за Шигъ-Алея дочь свою, и тѣмъ обезпечить высокое состояніе Суюмбеки и упрочить тронъ для Утремишъ-Гирея. Іоаннъ, для объявленія условія мира, требовалъ въ Москву знатнѣйшихъ вельможъ и они медлили, но дѣятельнѣе былъ Іоаннъ. Съ

наступленіемъ весны, Шигъ-Алея и знаменитыхъ казанскихъ изгнанниковъ сопровождалъ сильный военный отрядъ до устья Свіяги. Волга доставила туда готовые церковь и стѣны и изъ разныхъ мѣстъ приближалась сильная рать, ведомая опытными полководцами. Тогда отбиты были
1551 всѣ перевозы на Волгѣ и Камѣ, а кн. Серебряный, вечеромъ 16 мая, распустивъ знамена, по обычаю Русскому, призвалъ Царя Царей на помощь. Сколько людей непережили солнечнаго восхода 18 мая, когда Серебряный напалъ врасплохъ на полисадъ. Мечь Русскихъ скользилъ по соннымъ головамъ Татаръ, и въ этотъ день Казанцы недосчитались болѣе ста знаменитыхъ согражданъ, мурзъ, князей и около тысячи человѣкъ разнаго званія. Тогда много освобождено было русскихъ плѣнныхъ.

XII.

Основаніе города Свіяжска. Бѣгство Кощака и Крымцевъ. Отправленіе Суюмбеки. Въ третій разъ воцареніе Шигъ-Алея и истребленіе имъ казанскихъ вельможъ.

—

1552 Мая 24 прибыли главные корпуса войска и доставлены на судахъ, срубленные въ углицкихъ лѣсахъ: церковь и городскія стѣны. Тогда, общими трудами рати, очистили лѣсистую вершину горы и, призвавъ на помощь Всевышняго, воздвигли церковь во имя Св. Сергія и Рождества Пресвятыя Богородицы, а мѣсто города обвели стѣнами. Послѣ этого, одинъ мѣсяцъ возникъ и самый городъ.

Пораженные изумленіемъ и страхомъ, Казанцы увидѣли твердыню Русскихъ, поставленную

въ ихъ владѣніи. Это привело въ изумительное бездѣйствіе и Татаръ и умнаго Юсупа; но еще болѣе упали духомъ тогда, какъ увидѣли отложеніе отъ ихъ власти финскихъ племенъ, обитавшихъ въ нагорной сторонѣ Волги. Мордва, Чуваши и Черемисы — люди непривязанные къ Татарамъ ни единовѣріемъ, ни обычаями и несвязанные съ ними узами родства — добровольно предались Іоанну, оцѣнившему ихъ приверженность, обласкавшему старейшинъ и наградившему ихъ. Для испытанія въ вѣрности новоподданныхъ, Іоаннъ приказалъ составить изъ нихъ военный отрядъ и вести къ Арскому полю. Конечно, звѣроловы и пастухи немогли быть хорошими ратниками и разсѣялись артиллерійскими дѣйствіями; но, по крайней мѣрѣ, Казанцы видѣли вооруженныхъ противъ себя, недавно зависившихъ отъ нихъ племенъ, дѣлавшихся новыми врагами.

Дѣйствительно положеніе Казани было критическое. Кругомъ ея, отъ Суры до Камы и Вятки, располагались русскіе отряды. Опустошая окрестныя селенія Казани, они преграждали путь къ

этому городу, гдѣ царствовало смятеніе, но едва ли было въ немъ до двадцати тысячъ воиновъ. Кромѣ того, съ каждымъ днемъ впередъ, въ Казани недосчитывалось ея сановниковъ и знатныхъ гражданъ;—они оставляли городъ и уходили въ ряды Шигъ-Алея. Разногласіе никакъ не могло примириться, потому что противорѣчія были равносильны. Казанцы желали покориться Іоанну, но знаменитые крымскіе выходцы, принадлежавшіе къ партіи Кощака, любовника Суюмбеки — не хотѣли и слышать этого. Наконецъ пронеслась молва, что жаждущій царства Кощакъ хотѣлъ жениться на Суюмбекѣ и умертвить Утремишъ-Гирея. Казань взволновалась, зашумѣла; хотѣли выдать Русскимъ воеводамъ Крымцевъ, но тѣ, надѣясь спастись бѣгствомъ, скрылись отъ преслѣдованія Казанцевъ. Русскіе разсѣяны были повсюду, и Крымцы не унесли своихъ головъ, оставивъ ихъ на берегу Вятки. Что касается до Кощака, то вмѣстѣ съ 45 чиновниками, онъ взятъ былъ въ плѣнъ, отвезенъ въ Москву; и непреклонная голова, недавно мечтавшая о побѣдахъ и царствѣ, пала на плахѣ отъ рукъ палача.

Слѣдствіемъ бѣгства Крымцевъ было перемиріе съ воеводами и посольство къ Іоанну, отъ котораго просили въ цари Шигъ-Алея. Казанцы, покупая миръ, необходимый въ крайности, готовы были выдать Суюмбеку и съ Утремишъ-Гиреемъ, оставленныхъ въ Казани женъ и дѣтей бѣжавшихъ Крымцевъ, а равно русскихъ плѣнныхъ, но — этого недостаточно было для Іоанна. На Казань всегда смотрѣли какъ на опасную, вѣроломную и безпокойную сосѣдку, по чему уже здравый разсудокъ требовалъ ослабленія силы ея. Когда горная сторона была уже завоевана, а притомъ самая Волга, сдѣлавшись естественною границею, обеспечивала россійскіе предѣлы, то чтобы могло заставить возвратить ее? Іоаннъ отправилъ Адашева въ Казань съ тѣмъ, чтобы чрезъ воеводъ объявить Шигъ-Алея царемъ, но горную сторону приписать къ Свіяжску. Безъ сомнѣнія такая дѣлимость царства прискорбна была и народу и Шигъ-Алею. „Что будетъ царство мое? и въ состояніи ли я „буду требовать любви отъ подданныхъ за ус„тупку земли ихъ"! были выраженія Шигъ-Алея.

Казанцы хотѣли было отринуть условіе мира, но воеводами было сказано: „или они будутъ „въ рукахъ Русскихъ, или Государь въ началѣ „осени явится сюда съ огнемъ и мечемъ для „истребленія вѣроломныхъ.“ Все окружающее убѣдило Казанцевъ, что Русскіе могли смѣло давать подобныя обѣщанія. Казанцы, увѣренные что уже ихъ понимаютъ какъ должно — обязаны были безспорно принять условіе мира.

Трогательно было зрѣлище, когда развѣнчанная царица прощалась съ отечествомъ и трономъ! Сугомбека медленно подъѣзжала къ берегу Казанки, гдѣ ожидала ее ладья. Тяжело было мгновеніе, когда она одной ногой ступила въ судно, а другая еще держалась на родномъ берегу! Ей предстояла невѣдомая сторона, — чуждая, враждебная, иновѣрческая! Но что встрѣтитъ тамъ повелительница, зависящая уже отъ воли другаго? Сугомбеку тревожила тайна судьбы ея, которая должна изрещись изъ устъ Іоанна. Она плакала и все это такъ сильно чувствовала какъ женщина; но ни на кого не роптала какъ царица,

потому что участь царства была расчитана вѣрно. — Жалуясь только на судьбу — она пала на гробъ Сафа-Гирея, обажавшаго ее супруга, и выразила скорбь своей завистью, что онъ во гробѣ; да и чего оставалось желать Суюмбекѣ? Другое зрѣлище было на невиннаго, несомаго пѣстунами Утремишъ-Гирея, который игралъ тогда, когда самъ былъ игралищемъ судьбы. Блѣдная, ослабѣлая, но прекрасная Суюмбека сошла на пристань, и съ горькою прощальною улыбкою поклонилась провожавшему ее народу. Всѣ пали ницъ передъ низверженной царицей! Одними рыданіями они прерывали грустное, оцѣпенѣлое безмолвіе; но замирали слова, потому что чувства были сильнѣе ихъ! На берегу Волги, Суюмбеку встрѣтилъ князь Оболенскій и привѣтствовалъ ее именемъ Государя. Суюмбека, съ Утремишъ-Гиреемъ и семействами Крымцевъ, отправлены были въ Москву — водою; но еще не тотъ часъ кончились условія мира. Казанцы медлили освободить плѣнныхъ и неприсягнули еще въ вѣрности Россіи. Все это происходило отъ того, что они нехотѣли уступить горной стороны, но

имъ внушили о непреклонности Іоанна; имъ указали на Свіяжскъ и убѣждали народнымъ духомъ жителей горной стороны, добровольно отложившихся отъ Казани и предавшихся Русскимъ. „Забудьте старое, оно не возвратится!" было сказано Казанцамъ—и наконецъ все кончилось. Миръ утвержденъ былъ мирными грамотами—Казанцы присягнули въ вѣрности Россіи.

Бояре и князья: Юрій Булгаковъ и Хабаръ возвели на престолъ Шигъ-Алея и это было третье его воцареніе (*). Тогда призвали къ дворцу плѣнныхъ и имъ объявлена была свобода. Въ отечество возвращалось 60,000 человѣкъ; славословя Бога и благодаривши царя Іоанна. Да, нѣкоторые почти состарились въ плѣну.— Русская святыня, семья и отечество казались очаровательными только снами, но вдругъ заслышали голосъ свободы и затрепетало сердце „когда сказали имъ: „идите въ отечество, небой„тесь плѣна, Іоаннъ царствуетъ въ Россіи?—

(*) Хабаръ остался при Шигъ-Алеѣ съ 500 стрѣльцами, а Микушинскій въ Свіяжскѣ.

Имъ говорилъ это родной языкъ русскихъ бояръ, и недовѣрчивость къ счастію сливалась съ радостью неизрѣченною!

Казалось бы Казани оставалось только быть спокойною. Уже она видѣла, что Іоаннъ, опредѣливъ границы царства, далъ царя и предписалъ законы; но онъ столько былъ великодушнымъ, что удержалъ только завоеванное, а Шигъ-Алей непереставалъ безразсудно просить горной стороны. Онъ желалъ того, за чтобы царя упрекнули и современики и потомство. Іоаннъ отказалъ въ этомъ, но Шигъ-Алей хотѣлъ какъ бы вынудить Іоанна исполнить желаніе его, и средства были самыя ничтожныя. Алей видѣлъ и молчалъ, что плѣнные несовсѣмъ еще освобождены, но укрываемые—они терпятъ различныя притязанія. На предстательство нашихъ чиновниковъ за плѣнныхъ, Шигъ-Алей отдѣлывался однимъ: боюсь мятежа!

Наконецъ Шигъ-Алей дознаЛъ, что крамольные вельможи имѣли сношеніе съ Ногайцами, за-

мышлявшими убить его и истребить Русскихъ. Тогда царь казанскій предупредилъ ихъ намѣреніе, обративъ жало смерти на нихъ самихъ. Онъ созвалъ на свой царскій пиръ вельможныхъ гостей, нетолько въ злыхъ умыслахъ уличенныхъ, но и подозрѣваемыхъ съ тѣмъ, чтобы они отпраздновали послѣдній день своей жизни въ его дворцѣ. Тогда расплатились за царское угощеніе жизнію 70 человѣкъ — подъ кинжалами, ножами и саблями. Казанцы объяты были ужасомъ, а Іоаннъ послалъ Адашева объявить Алею, что онъ не можетъ болѣе терпѣть злодѣйствъ казанскихъ; что время успокоить это несчастное царство и Россію. Далѣе было предъявлено Алею, что московскіе полки вступятъ въ его столицу, для защиты царя и народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ для утвержденія безопасности какъ Казани такъ и Россіи. „Самъ вижу я" печально отвѣчалъ Алей" „что мнѣ нельзя здѣсь царствовать. Меня нена- „видятъ и вельможи и народъ, но кто виновенъ. „Пусть Іоаннъ возвратитъ Казани горную сто- „рону, и тогда я поручусь за вѣрность ее, а „ иначе добровольно схожу съ трона и ѣду къ

„Государю, — я не имѣю другаго убѣжища въ „свѣтѣ. Я Мусульманинъ и невведу сюда Хри- „стіанъ, но могу оказать услугу, если только „Государь удостовѣритъ меня въ своей милости. „До отъѣзда изъ Казани погублю злыхъ вель- „можъ, испорчу огнестрѣльные снаряды и при- „готовлю легкую для васъ побѣду“.

XIII.

Шигъ-Алей оставляетъ престолъ казанскій. Назначеніе правительства. Вѣроломство Казани. Положеніе Свіяжска. Эдигеръ. Движеніе россійскихъ войскъ.

—

Когда Адашевъ доложилъ Іоанну объ отвѣтѣ казанскаго царя, ненавидящіе Шигъ-Алея послы казанскіе, съ своей стороны, внушили Государю, что Казанцы ожидаютъ случая избавиться отъ кровожаднаго грабителя царя ихъ и они хотятъ повиноваться намѣстнику московскому, но въ противномъ случаѣ будетъ бунтъ. Они, отъ лица народа призывая въ столицу своего царства русскихъ, обѣщались между прочимъ выѣхать въ предмѣстія, — и ручались своими головами за вѣрность Казанцевъ Іоанну. Іоаннъ незамедлилъ отправить Адашева въ Казань, для сведѣнія

съ трона Шигъ-Алея, обѣщая ему всѣ милости, если только не окажетъ сопротивленія и русское войско впустить въ городъ. Шигъ-Алей былъ въ такомъ положеніи, что иначе не могъ дѣйствовать какъ не лавировать и передъ Іоанномъ и передъ Казанцами. Въ первомъ случаѣ онъ немогъ выставить себя неблагодарнымъ и непреданнымъ, а во второмъ не хотѣлъ быть предателемъ царства. Шигъ-Алей такъ отвѣчалъ Адашеву: „Не жалѣю о престолѣ, на которомъ не „могъ и не умѣлъ быть счастливъ. Здѣсь „жизнь моя въ опасности. Возмите Казань по„кореніемъ или договоромъ, но не изъ моихъ „рукъ. Повинуюсь Государю, но пусть не тре„буетъ, чтобъ я былъ измѣнникомъ правовѣрію." Адашевъ немогъ ни ласкою ни угрозами склонить Алея. чтобъ онъ здалъ царство и казанскій царь былъ непреклоннымъ. Онъ только исполнилъ обѣщаніе, что заколотилъ нѣсколько пушекъ, а порохъ отправилъ въ Свіяжскъ, куда прибылъ потомъ и самъ.

Оставленіе трона Шигъ-Алеемъ было совер-

шенно безгласное, и объ этомъ Казанцы узнали тогда, какъ уже царя ихъ давно небыло и въ Казани. Сопутствуемый сановниками и князьями, Шигъ-Алей выѣхалъ подъ предлогомъ рыбной ловли на озеро, гдѣ приказалъ московскимъ стрѣльцамъ окружить своихъ сопутниковъ.—„Вы думали убить меня" —говорилъ Шигъ-Алей—„вы „клеветали на меня въ Москвѣ. Вы не хотѣли „имѣть меня царемъ и требовали отъ Іоанна на„мѣстниковъ; но предстанемъ же вмѣстѣ передъ „судомъ его!" Марта 6 1552 года, Шигъ-Алей былъ въ Свіяжскѣ, простившись съ царствомъ какъ съ смутною мечтою, какъ съ сновидѣніемъ очаровательнымъ и тревожнымъ, когда смѣнялись призраки и трона и паденія съ него.

Правителемъ Казани назначенъ былъ князь Семенъ Микулинскій—мужъ храбрый и совѣтный. Онъ былъ вѣстникомъ сведенія Шигъ-Алея съ царства по волѣ народа, и требовалъ присяги Государю московскому. Казанцы согласились на это съ тѣмъ, чтобъ Микулинскій от-

правилъ къ нимъ князей Бурнаша и Чапчука, которые бывши единоземными имъ поддаными Россіи, завѣрили бы ихъ ручательствомъ за милости Іоанна, и чтобы этимъ успокоился народъ казанскій. Желаніе ихъ было исполнено и, казалось, все шло своею чередою. Жена Шигъ-Алея выѣхала, спокойные Казанцы честно встрѣтили Микулинскаго на берегу Волги, и все было приготовлено для радостной встрѣчи его съ дружиною. Воеводы, внадеждѣ торжественнаго вступленія, предварительно отправили въ Казань обозы, но обстоятельства вдругъ перемѣнились. Отпущенные Микулинскимъ князья взволновали народъ и разнесли молву, что Русскіе идутъ истребить Казанцевъ. Благомыслящіе клялись за правду и милость Іоаннову, но народъ ихъ не слушалъ. Микулинскій, Оболенскій и Адашевъ, оставили на Булакѣ войско, подъѣхали съ отрядомъ къ городу; но ворота были заперты, а на стѣнахъ стояли ряды вооруженныхъ жителей. Нѣкоторые чиновники увѣряли русскихъ вождей, что усмитрятъ народъ, но этого несбылось. Казанцы нетолько не

хотѣли Русскихъ впустить въ городъ, но и захватили обозъ, а попавшимся къ нимъ боярскимъ дѣтямъ поручили передать воеводамъ ихъ брань и злословіе; глава же мятежа былъ Чапчукъ. Воеводы, ночевавшіе въ предместіяхъ, могли бы сжечь ихъ; но они нерѣшившись ничего особеннаго предпримать безъ воли Государя, по необходимости отступили отъ Казани, и бояринъ князь Шереметьевъ повезъ донесеніе объ этомъ къ Іоанну.

Государь узналъ объ этомъ 24 марта и собираясь на Казань, повелѣлъ шурину своему Данилу Романовичу итти съ пѣхотою въ Свіяжскъ, а изъ опасенія, чтобы не напали на Россію въ отсутствіе его Ногаи, бояре совѣтовали Іоанну послать на Казань воеводъ, а самому остаться въ Москвѣ; но Государь, обѣщавшій обезпечить границы отъ вторженія Ногаевъ, былъ непреклоненъ въ своемъ намѣреніи. Іоаннъ повелѣвъ собраться войску, назначилъ для средоточія его: Коломну, Каширу и Муромъ. Планъ похода былъ слѣдующій: въ Нижній долженъ вести

войско князь Борисъ Горбатый и Петръ Шуйскій; Михайла Глинскій, съ боярскими дѣтьми, стрѣльцами, козаками, устюжанами и Вятчанами — занять берега Камы. Свіяжскому же воеводѣ велѣно, въ видѣ легкихъ отрядовъ — расположиться около перевозовъ Волги.

Бдительны были и Казанцы, предвидѣвшіе что дорого имъ будетъ стоить побѣда Русскихъ. Они уже ненадѣялись на снисхожденіе; они сами видѣли свое вѣроломство, а въ мнѣніи ихъ, между свободою и порабощеніемъ — средины небыло. Казанцы послали въ ногайскіе улусы за царемъ на опустѣлый тронъ, а между тѣмъ взволновали умы прежнихъ своихъ подданныхъ, и тоже принуждали ихъ къ отложенію отъ Россіи. Тогда горная сторона снова предалась Казани, и что же былъ уже Свіяжскъ? — городъ, осажденный со всѣхъ сторонъ непріятелями. Свіяжцы не смѣли выйти изъ города, потому что ихъ хватали въ плѣнъ и отправляли въ Казань, а стада и табуны бывали добычею отложившагося народа. Видя крайнее положеніе Свіяжска,

Государь велѣлъ полкамъ Горбатаго-Шуйскаго поспѣшить туда изъ Нижняго, а между тѣмъ Казанцы уже успѣшно дѣйствовали противъ Русскихъ въ легкихъ стычкахъ и умертвили всѣхъ плѣнныхъ дѣтей боярскихъ и козаковъ. Знали воеводы что ѣдетъ въ Казань на царство астраханскій царевичь Эдигеръ Махметъ, и съ нимъ только 500 всадниковъ; они караулили его, но просмотрѣли.

Тогда какъ Іоаннъ собиралъ сильнѣйшую рать, для рѣшительнаго опредѣленія участи казанскаго царства—въ царской думѣ было разногласіе: теперь ли итти на Казань, или ожидать зимы? Въ послѣднемъ настаивалъ Шигъ-Алей, доказывавшій затруднительность лѣтняго похода, потому что Казань окружена лѣсами, озерами и болотами. Но Государь нехотѣлъ ждать зимы, и повелѣлъ у назначенныхъ мѣстъ сосредоточиваться войску. Князья, бояры: Мстиславскій и Воротынскій, съ главнымъ корпусомъ шли въ Коломну; передовою дружиною командовали князья: Дм. Халковъ и Ив. Пронскій-Турунтай, пра-

вою рукою князья: П. Щенятевъ и Анд. Курбскій, лѣвою князья: Дм. Микулинскій и Плещеевъ, стражею князья: Василій Оболенскій—Серебряный и С. Шереметьевъ, а царскою дружиною В. Воротынскій и бояре И. Шереметьевъ. Отъ Каширы до Мурома расположилась сильная рать, а Окою и Волгою плыли до Нижняго запасы съ артиллерійскими принадлежностя-
1552 ми. Іюня 16 выѣхалъ изъ Москвы Государь, іюля 3-го все войско двинулось къ Казани, а Шигъ-Алей и Булгаковъ съ стрѣльцами, плыли туда Волгою.

Черемисское посольство встрѣтило Государя у Борончеева городища, съ повинною головою раскаявшагося народа, и Государь въ знакъ благоволенія обѣдалъ съ народными старѣйшинами. Августа 13-го Государь въѣхалъ въ Свіяжскъ, красивый городъ, возникшій необыкновенно скоро! Іоаннъ былъ доволенъ этимъ, и благодарилъ

за Свіяжскъ правителя его; но не остановился въ немъ, а расположился за городомъ, въ татарахъ на роскошныхъ лугахъ Свіяги. Государь, по совѣщанію съ боярами, готовился итти на Казань, но Шигъ-Алей, родственникъ Эдигера, написалъ убѣдительное письмо къ нему, чтобы онъ небезумствовалъ упорностью, несчиталъ себя равносильнымъ Россійскому Монарху и, смирившись предъ нимъ, пріѣхалъ бы съ покорною головою. Писаны были отъ него убѣжденія и къ казанскимъ вельможамъ. Шигъ-Алей вызвалъ тоже раскаяніе ихъ и просилъ о выдачѣ мятежниковъ; но эти сѣмена брошены были на безплодную почву.

Августа 18-го Іоаннъ переправился на луговую сторону Волги, куда переступило и полтораста тысячь войска. Шигъ-Алей занялъ Гостинный островъ, а Морозовъ везъ всѣ принадлежности, необходимыя для осады города; но горизонтъ облекся тучами и лили дожди до того, что рѣки выступили изъ береговъ, а низкіе мѣста обратились въ топи. Кромѣ неблагопріятной

погоды, Казанцы испортили гати, мосты и переправы. Августа 20 полученъ отвѣтъ на посланіе къ Шигъ-Алею, и онъ наполненъ былъ злыми ругательствами противъ Іоанна, Россіи и Шигъ-Алея, названнаго предателемъ. „Все готово" писалъ онъ, „ждемъ васъ на пиръ"; войско двинулось и остановилось на лугахъ въ шести верстахъ отъ Казани. Въ станъ Русскихъ прибылъ, бѣжавшій изъ Казани Мурза Камай, съ семью сановниками. Благосклонно принятый Іоанномъ, онъ увѣдомилъ, что царь, кульшеритъ мулла и многіе князья, вмѣстѣ съ Чапкуномъ, такъ сильно дѣйствовали на духъ народа, что о мирѣ и мыслить невозможно. Камай, между прочимъ, сообщилъ, что городъ снабженный всѣми запасами для жизни ихъ продолжительному бою, содержитъ 30,000 гарнизона, кромѣ 27,000 Ногайцевъ и отряда князя Япанчи, набирающаго еще ратныя дружины изъ окрестныхъ жителей. Тогда Іоаннъ приказалъ войску взять такое направленіе, чтобы передовой и большой полки заняли Арское поле, правое крыло берегъ Казанки, сторожевой становился у устья Булака,

лѣвое выше его, а Шигъ-Алею приказано быть за Булакомъ, у кладбища. Вся эта масса двинулась къ назначеннымъ мѣстамъ своимъ, на разсвѣтѣ, 23 августа.

XIV.

Осада Казани.

—

Когда было общее движеніе войска къ назначеннымъ мѣстамъ, царская дружина, подъ командою Курбскаго и П. Щенятева, проходила сквозь лѣсъ, отъ котораго на двѣ версты къ городу разстилалась равнина, названная Царскимъ Лугомъ, гдѣ расположилось потомъ войско. Восходящее солнце играло на шпицахъ казанскихъ башенъ; радостно и шумно привѣтствовали его бубны, трубы и литавры Казанцевъ. Напротивъ того, надъ головою Русскаго Царя развивалась знамя и хоругвь, съ изображеніемъ Спасителя, сопутствовавшаго побѣдѣ на Куликовомъ полѣ—и заслышался голосъ моленія Всевышнему. Потомъ царь произнесъ рѣчь, которою призывалъ воиновъ къ ихъ долгу, и клялся успокоить ихъ, а равно и сиротъ послѣ тѣхъ героевъ, которые останутся на бранномъ полѣ за-

логомъ славы отечества. „Начинай Царь! мы всѣ „за Бога и за тебя" отвѣчали только вожди, но единомыслiе, высказанное нѣкоторыми, выразилось слезами всѣхъ. Протоiер. Андрей, духовн. Iоанна—благословилъ и Царя и войско. Тогда Государь сѣлъ на коня и, осѣняя себя крестнымъ знаменiемъ, взглянулъ на образъ Спасителя и сказалъ: о Твоемъ имени движемся! Сцена чудесная, истина русская! предшествовала общему движенiю войскъ, но скоро смолкнула и Казань.

Все это небыло похоже на тревожныя приготовленiя, рѣшавшiя судьбу народа, потому что были тихи, безмолвны, а Казань казалась погруженною въ сонъ глубокiй. Ни шуму, ни тревоги, ни проявленiя людей на стѣнахъ ея, не доказывали настоящаго состоянiя города; но Татары, безмолвiемъ своимъ, думали обмануть вождей и войско, которыхъ уже и самая тишина обязывала къ осторожности. Когда Русскiе прошли наведенные черезъ Булакъ мосты, и почти подъ стѣнами Казани проходили къ Арскому полю—въ городѣ, съ шумомъ,крикомъ, от-

ворились Ногайскія ворота (*) и 15,000 Татаръ, предводительствуемыхъ ногайскимъ княземъ Зенеимою, бросились на стрѣльцовъ, которыхъ было 7,000. Неравносильный натискъ непріятеля разстроилъ было ряды войска; но, удерженные Ѳ. Троекуровымъ и Ю. Шемякою, Русскіе утвердились, а между тѣмъ подоспѣлъ къ нимъ отрядъ боярскихъ дѣтей. Тогда, съ громомъ пушекъ со стѣнъ, зазвучали мечи отчаянной сѣчи; но все это кончилось тѣмъ, что Русскіе, несмотря на пальбу, вогнали Татаръ въ городъ, и отступили къ назначенному пункту.

Когда же войско обложило Казань, и, казалось, надобно было только дѣйствовать; рука судьбы, на нѣкоторое время, остановила волю человѣческую. Августа 24, пронеслась сильная буря и летучимъ прахомъ тмился воздухъ. Въ войскѣ она сорвала разбитые шатры; но нетакъ ознаменовала слѣды свои на Волгѣ. Разъяренные ея волны потопили суда, и войско осталось почти

(*) Они были тамъ, гдѣ нынѣ, на Проломной улицѣ, церковь во имя Богоявленія.

безъ жизненныхъ припасовъ. Всѣ упали было духомъ отъ потрясенія народной гордости, что должно возвратиться ни съ чѣмъ; но Іоаннъ послалъ въ Свіяжскъ и Москву, за всѣмъ нужнымъ для содержанія войска, а равно и за теплыми одеждами, на случай, если зима застанетъ подъ Казанью.

Августа 25 дружины Троекурова и Шемякина, съ Арскаго поля перебрались къ Казанкѣ, съ тѣмъ чтобы ближе стать къ правому крылу и отрѣзать городъ отъ луговыхъ Черемисовъ. Татары снова ринулись на Русскихъ; опять повторилась сѣча и Шемякинъ былъ раненъ, но снова подоспѣли боярскіе дѣти и прогнали Татаръ въ крѣпость. Русскіе, несмотря на то, что утомлены были вылазкою Татаръ, работали подъ кровомъ ночи,—и утромъ стояли уже туры и пушки сторожеваго полка и лѣваго крыла. Казаки въ свою очередь, заняли каменную Даирову баню—подъ стѣнами города, а стрѣльцы въ ту же ночь окопались рвомъ.

Бдительнѣе сдѣлались послѣ этого Казанцы, и

пѣхота не безпрепятственно уже катила туры, подъ командою кн. М. Воротынскаго, которому сопутствовалъ кн. Ив. Мстиславскій съ своею конницею. На нихъ бросились со стѣнъ и башенъ Казанцы — полетѣли пули и ядра; но откликнулись и русскіе пушки. Эта битва кончилась новымъ пораженіемъ Татаръ, и между ими недосчитались многихъ извѣстныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ легли князья: Исламъ-Нарыкъ, Башканъ и богатырь Сюнчулей. Между прочимъ, эти вылазки не остановили дѣйствія Русскихъ, — и съ Арскаго поля до Булака утверждены были туры, что дѣлалось подъ пальбою до глухой ночи. Кромѣ того, что ночь эта озарялась блескомъ выстрѣловъ, враги вступили въ рукопашную битву и рѣзались до самого утра. Наконецъ, при свѣтѣ уже дня, смолкнулъ бой, но ненадолго. Въ этотъ же день (26 авг.) бояринъ Мих. Морозовъ прикатилъ къ турамъ стѣнобитный снарядъ, и пальба въ городъ открылась со всѣхъ бойницъ.

Казанцы съ своей стороны недавали покою

Русскимъ, и каждый день былъ днемъ пиршества смерти. Августа 26 громили Казань пушки, а 27 — Татары явились на другой сторонѣ города. Это былъ отрядъ князя Япанчи, бросившійся изъ лѣсу въ станъ передоваго полка, расположеннаго на Арскомъ полѣ. Онъ пробрался изъ укрѣпленій между Казанью и Арскомъ; звучала сѣча и воевъ: Дм. Хилковъ выбился уже изъ силъ, но на помощь къ нему стремились кн: И. Пронскій, И. Мстиславскій, Ю. Оболенскій и самъ Іоаннъ съ царскою дружиною. Русскіе укрѣпились и побѣжденныхъ Татаръ вогнали въ лѣсъ; но князь Япанча не давалъ Русскимъ покоя, обязывая ихъ къ неусыпному бдѣнію. Между тѣмъ небыло возможности имѣть подвозу для продовольствія и войско питалось сухимъ хлѣбомъ. Япанча дѣйствовалъ по условленнымъ знакамъ со стѣнъ Казани, гдѣ махали знаменемъ, служившимъ вмѣсто телеграфа, что, по суевѣрію того вѣка, относили къ чародѣйству, накликавшему ненастье.

Августа 29, правое крыло подвинулось къ

городу и укрѣпили туры вдоль Казанки. Дружины, подъ начальствомъ Троекурова и Шемякина, обратились къ Арскому полю, гдѣ снова проявились Татары, которыхъ ожидалъ уже пришедшій на помощь Хилковъ. Татары, видѣвши готовность ихъ, не выходили изъ лѣсу. Съ другой стороны тоже утвердили туры съ Арскаго поля до Казани, а вечеромъ донесено было Іоанну, что городъ окруженъ укрѣпленіями и преграждено всякое сообщеніе. Тогда бояринъ Морозовъ разстановилъ пушки и загремѣло 150 тяжелыхъ орудій. Между прочимъ, Іоаннъ собралъ думу, для совѣта: какъ дѣйствовать противъ Япанчи — и это возложено было на князя Александра Горбатаго-Шуйскаго. Князь, командуя 30,000 конныхъ и 15,000 пѣшихъ казаковъ, выманилъ непріятеля изъ лѣсу и ретировался къ засадѣ, откуда ринулся на Татаръ князь Юрій Шемякинъ. Татары были далеко вызваны изъ лѣсу, а потому имъ ничего не оставалось какъ вступить въ бой; но стылу окружали ихъ, подоспѣвшіе, сильные отряды конницы и пѣхоты. Татары хотѣли искать спасенія въ бѣгствѣ, но

истребляемые мечами и копьями, устилали своими трупами обширное пространство поля. Однимъ словомъ, отрядъ Япанчи былъ истребленъ, а самъ онъ погибъ въ Поганомъ озерѣ — и воеводы услышали живѣйшую признательность Монарха. Тогда Іоаннъ приказалъ плѣнныхъ привязать къ кольямъ передъ укрѣпленіями и заставить ихъ молить о здачѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ чиновники подъѣхали къ стѣнѣ и говорили: „Царь обѣщаетъ жизнь и свободу имъ, а вамъ „милость и прощеніе, если покоритесь!“ но только напрасны были увѣщанія. Ожесточенные Казанцы сказали своимъ собратіямъ: „лучше „умереть отъ нашей руки, нежели отъ рукъ „гяуровъ!“ Взвились стрѣлы, судорожно вздрогнули привязанные Татары, брызнула кровь и поникли головы, погибшихъ отъ рукъ собратій. Такое свирѣпое ожесточеніе изумило Русскихъ, но Казанцы дорого продавали имя царства.

Іоаннъ спросилъ: откуда осажденные берутъ воду? потому что пули и стрѣлы всегда готовы встрѣтить выходцевъ изъ города на Казан-

ку (*). Когда же Іоаннъ узналъ, что внутри Муралеевой башни есть подъ сводами лѣстница, низводящая на Казанку, то приказалъ размыслу дѣлать подкопы.

Главные подкопы велись: одинъ отъ Поганаго озера подъ большую башню, гдѣ нынѣ Спаскія ворота, другой отъ Булака подъ то мѣсто, гдѣ были Ногайскія ворота, а третій, кратчайшій, отъ Даировой бани подъ Муралеевы вороты. Между тѣмъ какъ не умолкала пальба съ Русскихъ батарей и стѣнъ города, — въ 10 дней кончены были подкопы для взорванія хода на Казанку, и 11 бочекъ пороху ожидали уже искры. Сентября 5 Государь подъѣхалъ къ укрѣпленію. Въ его глазахъ раздались надъ Казанью громы, и въ густомъ дыму взлетѣли и земля, и камни, и бревна. Легко можно вообразить, сколько было не ожидавшихъ гибели, но взнесенныхъ силою пороха и придавленныхъ взорванными: землею, камнями башни и бревнами со

(*) Дѣйствительно Булакъ—каналъ проведенный изъ Кабана въ Казанку—имѣетъ воду только во время весенняго разлива.

стѣнъ. Смятеніе отъ страха и ужаса овладѣли Казанцами, а Русскіе ворвались въ городъ. Уже изумленные Татары устилали трупами своими улицы города, но чувство самохраненія и образумило ихъ. Казанцы оказали отчаянное сопротивленіе и Русскіе были вытѣснены. Стѣсненнымъ Казанцамъ ни что не льстило къ счастливому обороту обстоятельствъ. Запертые въ стѣнахъ, гдѣ душный воздухъ напитанъ былъ еще и смрадомъ отъ труповъ, они лишились послѣдняго — воды. Воцарилось было уныніе, но однако нашли какой-то небольшой источникъ съ дурною водою, и имъ долженъ былъ довольствоваться цѣлый городъ. Жители подвергались цинготной болѣзни, — пухли и умирали.

Кромѣ того, чрезъ нѣсколько времени, для Казанцевъ было и еще вовсе неожиданное и горестное обстоятельство — проявленіе, у стѣнъ города, башни — въ 6 саж. вышины. Она выстроена была за станомъ Русскимъ — безгласно, а ночью, привезенная къ стѣнамъ города, поставлена близъ Царскихъ воротъ. По утру уже

60 пушекъ громогласно прорекли вѣрную гибель, потому что они были выше стѣнъ, и мѣткіе выстрѣлы поражали Татаръ на улицахъ и въ домахъ. Казанцы не смѣли ни показываться на улицу, ни жить въ домахъ, но укрывались въ землянкахъ. Они терпѣли отъ ненастья и, неимѣя средствъ пробираться къ гнилому источнику, томились жаждою. Всякая попытка выползти изъ своей норы была опасна, но необходима, а за необходимость расплачивались жизнію. Не смотря на все это, Татары не хотѣли сдаться, не хотѣли слышать о мирѣ и, выползая изъ гнѣздилищъ своихъ, стрѣляли въ Русскихъ.

Уже не задолго до рѣшенія судьбы царства, Татары врасплохъ напали на кн. Михаила Воротынскаго, мало по малу приблизившаго къ стѣнамъ туры до того, что его дружина отдѣлялась отъ города однимъ глубокимъ рвомъ. Тогда 10,000 Казанцевъ ринулись на Русскихъ, и это былъ одинъ изъ роскошныхъ пировъ смерти. Закипѣлъ бой и самъ Воротынскій съ саблею въ рукахъ подавалъ примѣръ отчаянна-

го сопротивленія Русскихъ, уже побѣждаемыхъ, и былъ раненъ; но подоспѣли Муромцы, боярскія дѣти — и Русскіе взяли перевѣсъ. Казанцы были прогнаны и, тѣснимые, они давили другъ друга и падали въ ровъ. Послѣ этой битвы, земля была упитана кровью и покрыта трупами. Таковы были дѣйствія подъ стѣнами Казани, но въ то время лилась кровь и въ мѣстахъ болѣе отдаленныхъ.

Русскіе, угнѣтая Казань, должны еще были имѣть смертоносныя состязанія съ внѣшними врагами. Оставалось Арское укрѣпленіе, гдѣ гнѣздились еще остатки разбитаго корпуса Япанчи, съ присоединеніемъ другихъ, а луговые Черемисы тоже дѣлали набѣги и отгоняли табуны. Для истребленія этого гнѣздилища Татаръ, еще на другой же день, послѣ взорванія тайника, Государь приказалъ А. Горбатому-Шуйскому взять укрѣпленіе, бывшее въ 15 верстахъ отъ Казани, по дорогѣ къ Арску. Тогда должно было сражаться, кромѣ враговъ, и съ препятствіями, противопоставленными природою, потому что укрѣ-

пленный острогъ окружали: густой лѣсъ и топкія болота. Пробираясь этими мѣстами подъ мѣткими стрѣлами—они наконецъ взяли острогъ и 200 плѣнныхъ, а остальныхъ истребили. Оттуда Русскіе направились къ Арску. Они проходили мимо, принадлежащихъ казанскимъ вельможамъ, загородныхъ домовъ—и дѣлались ихъ хозяевами. Этотъ походъ для Русскихъ былъ какъ бы наградою за терпѣніе многаго, потому что они утопали въ изобиліи. Безъ сомнѣнія, слѣды ихъ были усыпаны пепломъ сожженыхъ селъ и костями ихъ жителей, кромѣ женъ и дѣтей, которыхъ забрали въ плѣнъ. Арскіе жители, увидѣвши Русскихъ, разбѣжались, оставивъ въ добычу и имущество въ домахъ и товары въ лавкахъ, а плѣнные Христіане бросились на шею освободителей-героевъ. Послѣ полуторонедѣльнаго похода, Русскіе возвратились со славою, добычами, жизненными припасами и стадами. Черемисы, въ свою очередь, были разбиты; но обратимся подъ стѣны Казани—къ послѣднему дню тѣхъ важныхъ происшествій, которыя предшествовали взрыву под-

коповъ и приступу, рѣшившему уже судьбу царства и народа.

Уже почти готовы были главные подкопы и 48 бочекъ пороху, чтобы взорвать дерзостную Казань, дышавшую упорствомъ и отчаяннымъ сопротивленіемъ, но предтечею этихъ громовъ войны было дѣйствіе 30 сентября. Чтобы нѣсколько легче досталась побѣда, чтобы она не стоила столькихъ жертвъ—Іоаннъ приказалъ подорвать тарасы и землянки, гдѣ укрывались жители отъ дѣйствія артиллеріи. И такъ люди, которые избѣгали встрѣчи съ смертью—стремились къ вѣрной обители ея. Вѣроятно многимъ высказало грустное предчувствіе, что они не увидятъ уже заката солнца; но знали ли они, что на томъ клочкѣ земли, гдѣ находили убѣжище—въ душныхъ нѣдрахъ ея, скрывалась причина гибели. Ее возвѣстило страшное мгновеніе взрыва, когда съ громомъ его и взорваннымъ прахомъ, Татары, въ густомъ дыму, взлетѣли на воздухъ. Несмотря на то, что уже это было не первымъ внѣзапнымъ проявленіемъ гибе-

ли, Казанцы снова обомлѣли, потерялись и оцѣпенѣли отъ ужаса. Русскіе, пользуясь мгновеніемъ утраты душевныхъ силъ, бросились было къ стѣнамъ Казани; но этотъ ужасъ былъ минутный, уже знакомый. Казанцы бились отчаянно—Русскіе лезли впередъ; Іоаннъ былъ съ ними, и это еще болѣе одушевило ихъ. Съ нами Царь! раздалось въ войскѣ, мужество росло; и когда пылали стѣны города, бой кипѣлъ уже на улицахъ его. Русскіе думали что пробилъ роковой часъ Казани, но Іоаннъ приказалъ отступить. Тогда князь Воротынскій занялъ Арскую башню и укрѣпился въ ней. „Будемъ ждать васъ здѣсь"! сказалъ доблестный князь;—Татары старались отбить башню, но не могли. Имъ оставалось только одно—чинить поврежденную во многихъ мѣстахъ стѣну и, гдѣ нужно, пробитыя мѣста заслонять засыпанными землею срубами. Неусыпная вражда не смыкала глазъ и ночью, а притомъ же мракъ ея озарялся пламенемъ горѣвшихъ мостовъ, зажженныхъ Русскими, при отступленіи ихъ.

XV.

Покореніе Казани.

—

Когда 1 октября донесли Царю что все исполнено, мосты наведены и 48 бочекъ пороху ожидаютъ роковой искры — взорвать упрямую Казань! Государь приказалъ войску — быть готову. Между прочимъ, еще разъ Государь-Христіанинъ желалъ дѣйствовать увѣщаніями. Подъ стѣнами явился Камай съ старѣйшинами горной стороны, и онъ держалъ знаменіе мира. Именемъ Государя, они требуя измѣнниковъ, обѣщали прощеніе народу; но не такъ думали Казанцы. Они отвергли прощеніе; „въ башнѣ и „на стѣнѣ русь“ говорили они: „поставимъ и „другую башню и другую стѣну; или умремъ или отсидимся“! Голосъ безпристрастія обя-

занъ отозваться о тогдашнихъ врагахъ Россіи, что они не теряли чести націи, но чтобы отсидѣться — это было только тлѣнное мыслей раздраженіе, скудная самонадѣянность безъ разсудка. И такъ оставалось одно — сломить гордыню силою. Весь этотъ день Русскіе готовились на славную смерть; но желали умереть какъ Христіане, напутствуемые покаяніемъ и съ причащеніемъ Св. Таинъ. Между прочимъ, бросали во рвы и ямы фашинникъ, для свободнаго достиженія стѣнъ. Пушки Казанцевъ, направленныя въ станъ Русскихъ, не умолкали; но когда Татары замѣтили работы, суетливость и необыкновенное движеніе — это внушило быть готовыми къ бою. Іоаннъ распорядился такъ: войско расположилось на всѣхъ пуктахъ, какъ для удержанія бѣгства Казанцевъ, такъ и для огражденія отъ луговыхъ Черемисъ, Чувашей и разсѣянныхъ по лѣсамъ татарскихъ отрядовъ. Эти обязанности были раздѣлены между Шигъ-Алеемъ и князьями: Мстиславскимъ, Юріемъ Оболенскимъ, Григорьемъ Мещерскимъ и Ив. Ромадановскимъ. Что касается до дѣйствія при-

ступа, то казанскимъ атаманамъ, стрѣлецкимъ головамъ и боярскимъ дѣтямъ велѣно предшествовать полкамъ, командуемымъ воеводами. Воеводы же должны были дѣйствовать по слѣдующему плану Воротынскому съ Басмановымъ — броситься въ проломъ крѣпости, отъ Поганаго озера и Булака, а Хилкову, Троекурову, Курбскому, Шереметьеву и Плещееву распредѣлены были, для направленія ихъ, различныя городскія ворота. Царь опредѣлилъ себя на помощь Хилкову, а остальнымъ назначилъ: Пронскаго-Турунтая, Шемякина, Щенятева, Серебрянаго Оболенскаго и Микулинскаго. Разсвѣтъ слѣдующаго дня долженъ былъ застать всю эту массу на своихъ мѣстахъ, въ стройномъ порядкѣ, а громы подкоповъ назначились вѣстникомъ для опредѣленныхъ дѣйствій.

Царь, сколько неутомимый въ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ, столько преданный Всевышнему, — не сомкнулъ глазъ въ эту ночь, предшественницу дня великихъ происшествій. Онъ слушалъ заутреню, отпустилъ царскую дружину и исповѣдался. Это было на мѣстѣ нынѣшняго Памят-

ника на лѣвомъ берегу Казанки, въ двухъ верстахъ отъ города на сѣверо-западъ.

Просвѣтлѣло утро, румянѣла заря и, день такъ былъ тихъ и ясенъ, что небыло ни тучь на небѣ, ни слышалось шелиста отъ вѣтра. Горизонтъ золотился восходомъ солнца и, казалось, этимъ свѣтлымъ, тихимъ днемъ, еще первымъ послѣ долгаго ненастья,—ознаменуютъ примиреніе враждующіе народы, потому что все окружающее дышало спокойствіемъ и миромъ. Въ станѣ Іоанновомъ слышалось только пѣніе, совершавшейся литургіи, а издали навѣвались отголоски трубъ, бубнъ и литавровъ. Давно не встрѣчали такъ дня, что ни одна мѣткая стрѣла не искала жертвъ, и небыло дыму на землѣ точно такъ, какъ тучь на небѣ. Стѣны города наполнены были Казанцами, которые не укрывались уже отъ стоявшихъ передъ глазами ихъ Русскихъ. Всѣ смотрѣли другъ на друга, и какъ бы въ знакъ согласія торжества мира, на стѣнахъ города тоже раздавались трубы и литавры. Они не знали, что кроется подъ этими стѣнами; они не предвидѣли,

что трубы ихъ были погребальными звуками надъ могилою ихъ и надъ могилою царства! Современныя лѣтописи и преданія не могли выразить этихъ чудныхъ мгновеній; этого близкаго сосѣдства тишины съ громами, жизни обруку съ смертью, живыхъ, цвѣтущихъ еще надеждъ съ могилою ихъ. Но вотъ наставала другая сцена,—сцена страшная и ужасная, въ такомъ близкомъ и незримомъ соединеніи съ спокойствіемъ.

Лишь только, во время совершенія литургіи, діаконъ, читая Евангеліе провозгласилъ: „и да будетъ едино стадо и единъ пастырь"—это былъ голосъ судьбы, возвѣстившій паденія царства и народа. Ему откликнулись необычайные трескъ и громы, потрясшіе воздушныя пространства;—стонъ земли съ сотрясеніемъ ея—и мракъ простерся надъ Казанью! Люди, земля, камни, бревны—все это взнеслось на воздухъ! Священнодѣйствіе остановилось и Государь вышелъ изъ церкви; но когда снова продолжалась литургія и діаконъ читалъ эктинію, о утвержденіи державы Іоанна

и покореніи подъ ноги его враговъ и супостатовъ — все свершилось въ это мгновеніе! Тогда слова діакона заглушались новыми, ужасными дѣйствіями втораго подкопа, съ новыми громами, тьмою, разрушеніемъ, гибелью и пламенемъ пожара. — Съ нами Богъ! было отзывомъ Русскихъ — на громъ и гулъ, носившійся въ сотрясенномъ воздухѣ, — и дружины ринулись къ городу. Но ни покорность, ни ласковый привѣтъ побѣжденныхъ — встрѣчали героевъ, а стрѣлы, ядра, пули, камни, бревна, кипятки и все что только могло носить знаменіе убійства. Они, не дѣйствуя, дали Русскимъ приблизиться къ городу; но потомъ раздался дружный залпъ и сорвались съ луковъ стрѣлы. Послѣ этого завязался бой — и бой самый отчаянный. Однако, несмотря на непреоборимость сопротивленія Казанцевъ — Русскіе ворвались въ проломъ и разными средствами взбирались на стѣны. Рубились, кололись, рѣзались и давили другъ друга руками — на улицахъ, на стѣнахъ и въ проломѣ, подъ неумолкаемою стрѣльбою.

Когда Царь, причастившись Св. Таинъ, вы-

шелъ изъ церкви—увидѣлъ, что въ крѣпости вѣялось Русское знамя. Первымъ вѣстникомъ Царю о побѣдѣ былъ Воротынскій, вмѣстѣ съ тѣмъ просившій подкрѣпленія, на помощь битвы, и послано свѣжее войско. Государь, назначивъ съ дружинами воеводъ, послалъ и часть своего полка, потому что Казань жадно пожирала головы побѣдителей и дорого платили они за каждый шагъ впередъ. Казань казалась разъяренною тигрицею, отъ которой отнимаются на закланіе дѣтища ея—народную самобытность, имя царства! Татары бросились какъ изступленные;—губили и гибли. Казань уже была побѣждена—но тогда не царствовалъ, разсудокъ: Русскіе! смерть! и никакой средины.

Упитанная кровью Казань устилалась трупами; слабѣли силы обѣихъ, сторонъ, но бой не утихалъ. Казанцы уже стѣснили, и они отъ пролома отпустили къ укрѣплеуному дворцу, а Русскіе овлали большою частью города; но вдругъ дружины ихъ становились рѣже и рѣже. Многіе, заслоненые вѣрными долгу, оставили бой и пу-

стились на добычу. Это уменьшило дѣйствующихъ и ободрило Татаръ. Казанцы потѣснили Русскихъ, принужденныхъ оступить тогда, когда такъ дорого платили они за каждый шагъ впередъ. Государь, увидѣвъ бѣгущихъ изъ Казани, встрѣтилъ ихъ въ царскихъ воротахъ съ хоругвіею въ рукахъ. Привѣтъ царя, недумавшаго объ опасности, а потомъ подкрѣпленіе свѣжимъ войскомъ царской дружины—рѣшило все! Наконецъ Русскихъ встрѣтили казанскіе вельможи, сейты и первосвященники съ муллами; но они недумали привѣтствовать пришесвіе побѣдителей. Они, въ безумномъ ожесточеніи, съ кинжалами бросились на героевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ — вѣрную, разсчитанную смерть. Никто не хотѣлъ пережить покоренія царства!

Еще держались Казанцы въ укрѣпленномъ дворцѣ, гдѣ былъ Едигеръ и, можно сказать, сосредоточивалась загнанная туда Казань; но наконецъ отбили ворота. Туда ринулось 10,000 воиновъ, и, чтоже? съ одной стороны, окруживъ Царя, рѣзались съ Русскими воины и вельможи

а съ другой стоялъ цѣлый отрядъ казанскихъ красавицъ. Нѣсколько тысячъ, и женщинъ въ цвѣтѣ лѣтъ, и юныхъ дѣвъ, стояли въ праздничныхъ нарядахъ. Облекшіяся въ цвѣтныя одежды и блистающія парчи, вѣроятно, они не хотѣли показать признака унынія, но какъ бы стеклись на праздникъ разрушенія и смерти.

Князь Курбскій тѣснилъ Татаръ въ улицахъ и въ крѣпости. Они гибли — и всюду стоны умирающихъ и проклятія сливались съ кликами побѣдъ. Наконецъ Казань истомленная, израненная, издыхающая — обратилась къ Русскимъ, но и это заставило ихъ сдѣлать охраненіе царя, возведеннаго, до того, на башню. „Слушайте! „кричали Казанцы, когда у насъ было царство, „мы умирали за царя и отечество. Теперь — Ка„зань ваша, а потому отдаемъ вамъ царя ея, „Передаемъ его вамъ въ сохранности, живымъ не„уязвленнымъ; доставьте его такъ къ Іоанну, а „мы идемъ на широкое поле, пить съ вами по„слѣднію чашу.“ Между тѣмъ какъ, зная великодушіе Русскихъ, Казанцы передавали Едигера, съ старымъ вельможею Заніешею и двумя царевыми

мамичами или совоспитанниками и воевода кн. Дмитрій Палецкій остановилъ сѣчу — прочіе прыгали со стѣнъ, чтобы устремиться на правое крыло; но неласково встрѣченные пальбою,— прошли въ лѣво и перешли Казанку въ бродъ.

Въ Царствѣ небыло уже царя, главы народа, но горсть непокорныхъ держались еще по домамъ и по мечетямъ безглавой Казани. Кромѣ ихъ 15,000 отчаянныхъ головъ перебралось за Казанку и все это представительствовало непокорившуюся народность, дышавшую ненавистью и истребленіемъ. Андрей и Романъ Курбскіе атаковали въ полѣ Казанцевъ и врѣзались въ средину, но болѣе многочисленные Татары стиснули Русскихъ. Потомъ они перебрались въ болотистыя и топкія мѣста, куда не могла преслѣдовать ихъ конница, но Государь рѣшился истребить эту мятежную горсть Татаръ, во чтобы то нистало. Онъ послалъ на нихъ Макулинскаго, Глинскаго и Шереметьева; но отчаянный и упорный бой длился до истребленія и разсѣянія Татаръ. Въ Казани тоже слышалась пальба изъ укрѣпленныхъ зданій, и зазвучали мечи уличныхъ схва-

токъ. Но впрочемъ все это было только предсмертнымъ обнаруженіемъ мятежнаго дыханія, —послѣднимъ судорожнымъ движеніемъ обезглавленнаго царства!....

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

УКАЗАТЕЛЬ

историческихъ лицъ первой части Казанской Исторіи.

—

Фатьма-султанъ.
Хабаръ—воев.
Халифъ—ханъ (Бол.).
Хилковъ—кн.
Ходырь—ханъ (Монг.).
Холмскій Дан.—воев.
Хомскій Сем.—воев.
Хуаши-Бекъ (Бол.).
Хюземъ-Бердей кн. (Тат.).
Чапкунъ—кн. (Каз.).
Челяднинъ Ив. бояр.
Чура кн. (Каз.).
Шемяка—Кн.
Шемякинъ Юр. кн.
Шереметьевъ Вас. кн.
Шереметьевъ Ив. кн.
Шереметьевъ Сем. кн.
Шигъ-Алей ханъ (Каз.).
Шуйскій (Горбатый) Ал. кн.
Шуйскій Вас. кн.
Шуйскій Ив. кн.
Шуйскій Пет. кн.
Щенятевъ Пет. кн.
Юрій Александровичъ Кн.
Юрій Дмитріевичъ Кн.
Юрьевъ (пос. Рос.).
Юрьевъ Дан.
Юрьевъ Сем. кн.
Юсупъ царев. (Каз.).
Юсуфъ-мурза (Ног.).
Ягупъ царев. (Каз.).
Яковлевъ воев. (Костр.).
Япанча кн. (тат. наѣзд.).
Ѳеодоръ Св. муч.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.		строк.	Напечатано.	Должно.
1	——	4	Отнотенія	Отношенія
3	——	5	Царства	Царства.
—	——	6	Болгарамъ	Болгарамъ,
6	——	4	излапизмомъ	исланизмомъ
7	——	3	боргарскій	болгарскій
—	——	7	изладились	изгладились
—	——	8	засвободные	за свободные
примѣч.		—	Успѣнскомъ	Успенскомъ
8	——	5	Долго издали	Долго,—издали
—	——	12	алькорана	алкорана
16	——	4	Суббатая	Субутая
22	——	3	въ Болгарію. Василія	въ Болгарію Василія
37	——	13	очи	мечи
63	——	8	въ величайшей,	величайшей
—	——	17	Татаръ,	Татаръ
64	——	3	въ Тавриду	въ Тавриду.
—	——	18	Государи,	государи
72	——	23	»гонимъ	»выгонимъ
77	——	20	ее	ея
80	——	4	не Шуйскаго, а Телеппева	не Шуйскаго и Телеппева
86	——	18	Сафа Гиремъ	Сафа Гиреемъ
98	(*примѣч.*)		Микушинскій	Микулинскій
115	——	6	Шемякою	Шемякинымъ

Казанская Исторія въ 3-хъ частяхъ—сочиненіе Штабъ-Лекаря Николая Баженова, изъ Казани иногородніе могутъ получать, относясь въ книжныя лавки: Мясникова, Костякова, Дубровина и къ самому автору, адресуясь на его имя въ Казань; но, обращаясь къ автору, кромѣ объявленной за экземпляръ цѣны 5 рублей сереб. вѣсовыхъ не прилагаютъ.

Къ дополненію нѣкоторыхъ мѣстъ Казанской Исторіи могутъ служить его же сочиненія слѣдующія брошюры:

Плаваніе къ Зилантову монастырю и Памятнику—цѣна 50 коп сереб.

Записки о Раифской пустыни, Крестѣ въ Акахъ и о Казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ—цѣна 30 коп. сереб.

То же отъ Штабъ-Лекаря Баженова можно получать и прочія его сочиненія:

Медико-топографическій взглядъ на Сергіевскія воды. Сочиненіе небольшое но довольно подробное и приспособленное для руководства больныхъ, отъѣзжающихъ лечиться этими водами—цѣна 50 коп. сереб.

Двѣ поѣздки: на золотые пріиски и въ Кондую—цѣна 40 коп. сереб.

Торжественное примиреніе или единственный мужъ и чудное посредничество, шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи—цѣна 30 коп. сереб.

Иногородніе, выписывая отъ одной до пяти брошюръ (различнаго ли то содержанія или одно сочиненіе)—прилагаютъ вѣсовыхъ за одинъ фунтъ; но за большее количество брошюръ, или же, если выписываются вмѣстѣ съ Исторіею—вѣсовыхъ не прилагаютъ.

Въ Казани всѣ эти сочиненія продаются въ книжныхъ лавкахъ, по цѣнамъ тамъ существующимъ, и у самого автора—по выше означеннымъ.

